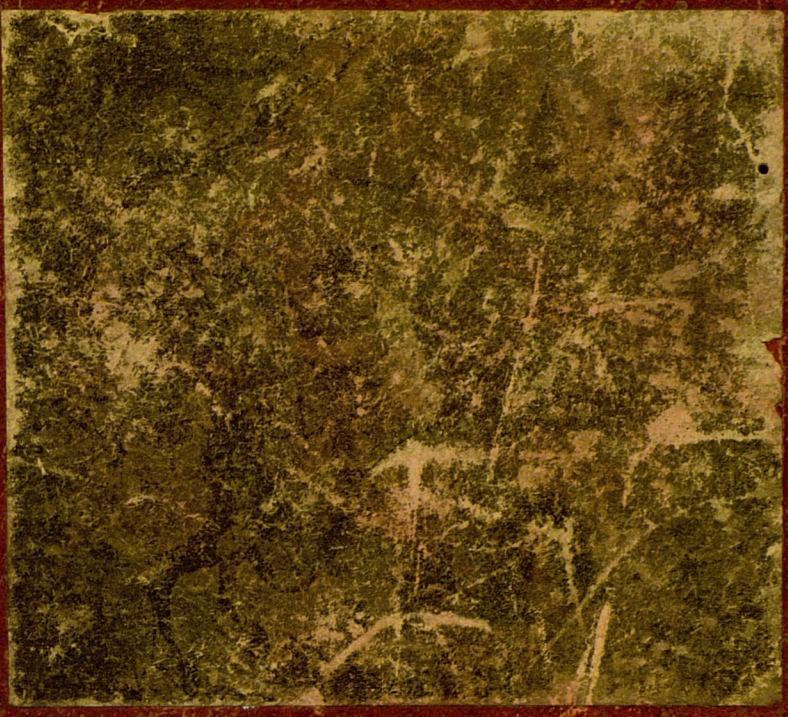


Л. ЧАРСКАЯ

ШЕЛЧОКЪ

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

131
2823

131
2823

ЩЕЛЧОКЪ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 11 отдѣльными рисунками И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13.
Москва
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ - Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1913

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1971 акт Р К-3375/16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

На утренней зарѣ, задолго до восхода солнышка, изъ лѣса выѣхало нѣсколько крытыхъ грязнымъ полотномъ телѣгъ.

Лишь только телѣги остановились на лѣсной опушкѣ, изъ-подъ навѣсовъ ихъ выскочили смуглые, черноглазые, курчавые люди съ вороватыми лицами и грубыми голосами.

Взрослые мужчины, одѣтые въ рваныя куртки, со старыми мятыми шляпами на головахъ, съ порыжѣвшими запыленными сапогами, принялись отпрягать лошадей, въ то время какъ пестро и ярко наряженныя въ цвѣтныя лохмотья женщины и грязные, до черноты загорѣлые, ребятишки, въ однѣхъ холщевыхъ грубыхъ рубашонкахъ, вмѣстѣ съ подростками стали собирать сухія вѣтви и сучья для костра.

Вскорѣ костеръ этотъ былъ готовъ и запылалъ среди лужайки у лѣса.

Одна изъ женщинъ поставила на огонь большой черный таганецъ съ крупою, другая, старая, съ сѣ-

дыми лохмами, выбившимися изъ-подъ платка, взяла въ руки огромный каравай хлѣба и большой кухонный ножъ.

— Эй, вы, дармоѣды, подходи за ѣдою!—закричала рѣзкимъ голосомъ старуха и, нарѣзавъ хлѣбъ ломтями, стала одѣлять имъ толпившихся вокругъ нея ребятъ.

Послѣдніе съ жадностью хватали куски, при чемъ старшіе изъ ребятишекъ вырывали хлѣбъ у младшихъ. Поднялись невообразимый шумъ, гамъ, писк и плачъ.

Старуха съ крючковатымъ носомъ издали погрозила костлявымъ пальцемъ расшумѣвшейся дѣтворѣ, но тѣ и не подумали утихнуть. Напротивъ, еще отчаяннѣе закипѣла, еще болѣе усилилась возня.

— Эй, Иванка, уйми ребятъ, что-ли! Сладу съ ними нѣтъ!—крикнула кому-то старуха.

Изъ-подъ навѣса ближайшей изъ телѣгъ вылѣзъ высокій широкоплечій мужчина, одѣтый чище и лучше остальныхъ, съ серебряной серьгой въ ухѣ, съ длинною ременною плетью въ рукѣ.

— Эге, мелюзга не въ мѣру расшумѣлась!—свирѣпо взглянувъ на дравшихся ребятишекъ, крикнулъ онъ что было силъ и, взмахнувъ своей страшной плетью, опустилъ ее на спины дерущихся ребятъ.

Дружный отчаянный визгъ огласилъ опушку, и малыши, какъ стая испуганныхъ воробьевъ, разлетѣлись въ разныя стороны отъ суроваго дяди Иванки и его страшной плети.

— Ѣда поспѣла. Ступайте хлебать похлебку,—проговорила молодая женщина, хлопотавшая надъ таганцомъ у костра.

Ребята съ жадностью хватали куски...

На это приглашеніе со всѣхъ сторонъ потянулись прибывшіе на опушку лѣса люди и стали разсаживаться у огня. Старуха нарѣзала хлѣба, молодая сняла котелокъ съ огня и поставила его передъ усѣвшимися въ кружокъ мужчинами. Каждый вынулъ изъ кармана деревянную ложку и сталъ съ жадностью черпать ею похлебку, находившуюся въ котлѣ.

Только подростки и малыши остались безъ завтрака. Они жевали черствыя корки хлѣба и съ завистью поглядывали издали на ѣвшихъ у костра людей.

* * *

Смуглые люди были цыгане. Какъ и всѣ цыгане, они вели бродячую жизнь, переѣзжали съ мѣста на мѣсто въ своихъ крытыхъ телѣгахъ, останавливаясь всѣмъ таборомъ лишь на короткое время то здѣсь, то тамъ, гдѣ-нибудь на краю деревни или вдали отъ города. И тутъ у нихъ начиналась «торговля»: мужчины обмѣнивали лошадей на рынкахъ (по большей части дурныхъ на хорошихъ), или продавали неопытнымъ людямъ своихъ никуда негодныхъ лошадей; женщины же и дѣти бродили по окрестностямъ своихъ стоянокъ, гадали на картахъ или предсказывали судьбу по линіямъ рукъ, получая за это по нѣсколько копеекъ; чаще же всего, безъ всякаго гаданья, они выпрашивали милостыню.

Но ходили небезосновательные слухи, что цыгане не прочь и воровать при случаѣ, и гдѣ бы они ни побывали — вездѣ какъ-то загадочно пропадали разныя вещи.

За это цыганъ повсюду презирали и преслѣдовали, и они, никогда не останавливаясь подолгу на одномъ мѣстѣ, старались укрываться вдали отъ селеній.

Таковы были люди, расположившіеся рано утромъ на опушкѣ лѣса.

ГЛАВА II.

ОСТАВЬТЕ меня! Не мучьте меня! Что я сдѣлала вамъ? Отпустите меня! Оставьте! Я не виновата! Я ни въ чемъ не виновата! Отпустите же! Не троньте меня!

Вдалекѣ отъ костра, съ разсѣвшимся вокругъ него взрослымъ населеніемъ табора, собралась небольшая группа подростковъ—черномазыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, одѣтыхъ въ такія же, какъ и взрослые, грязныя пестрыя лохмотья. Схватившись за руки, они образовали небольшой хороводъ и кружились съ громкимъ хохотомъ, свистомъ и улюлюканіемъ, выкрикивая то и дѣло рѣзкія, грубыя, бранныя слова.

Въ ихъ кругу, со всѣхъ сторонъ замкнутая ими, металась дѣвочка, лѣтъ девяти-десяти.

Маленькая, худенькая, тщедушная, съ бѣлокурыми, какъ ленъ, волосами, она рѣзко отличалась отъ смуглыхъ до черноты цыганскихъ дѣтей своею внѣшностью и бѣлой кожей, слегка тронутой налетомъ загара и пыли.

Въ ея большихъ синихъ глазахъ стояли слезы, все худенькое тѣло дрожало; она испуганно поглядывала взглядомъ звѣрька, затравленнаго до полусмерти, на кружившихся вокругъ нея ребятъ.

Отъ быстраго круженія хоровода у дѣвочки рябило въ глазахъ; отъ крика и гама болѣла и кружилась голова; сердце то замирало отъ страха, то колотилось въ маленькой груди, какъ подстрѣленная пташка.

— Отпустите меня! Отпустите! — молила она со слезами на глазахъ, протягивая впередъ худенькія ручки.

Но шалуны не обращали вниманія на ея просьбы и мольбы. Громче, пронзительнѣе раздавались ихъ крики. Все быстрѣе и быстрѣе кружились цыганята. Все рѣзче и пронзительнѣе хохотали они, потѣшаясь надъ маленькой жертвой, метавшейся среди круга и молившей ихъ о пощадѣ.

И вотъ неожиданно, быстро остановился хороводъ какъ вкопанный.

Высокій долговязый мальчишка, лѣтъ четырнадцати, съ непріятнымъ воровато-бѣгающимъ взглядомъ и кривой усмѣшкой, отдѣлился отъ круга, приблизился къ дѣвочкѣ и заговорилъ, кривляясь и строя страшныя гримасы:

— Отпустимъ тебя, если ты намъ спляшешь... Попляши, не смущайся, пряникъ дадимъ... А плясать не станешь — не взыщи... такъ тебя огрѣю кнутовищемъ, что небо покажется съ овчинку. Ну, пляши! Слышишь, пляши! Ха, ха, ха!—заключилъ онъ громкимъ хохотомъ свою рѣчь.

— Ха, ха, ха!—отозвались ему другіе ребята такимъ же злорадным смѣхомъ,—попляши, Галька; ну-же, скорѣй попляши!

Они запѣли гнусавыми голосами:

Барышня-сударышня,
Бараньи ножки...
Барышня, попляши!
Твои ножки хороши.
Бараньи ножки
Распрями немножко, —

и, схватившись снова за руки, завертѣлись и запрыгали вокругъ той, которую называли Галькой, угрожая ей кулаками, сверкая глазами и показывая языки.

А Яшка Долговязый, какъ звали старшаго мальчугана, совсѣмъ близко подошелъ къ худенькой дѣвочкѣ и, выхвативъ изъ-за пояса кнутъ, почти такой же, какъ у дяди Иванки, хозяина табора, только поменьше размѣромъ, взмахнулъ имъ надъ головой несчастной.

— Пляши сейчасъ же, чужачка негодная! Ой, тебѣ говорю, Галька, лучше пляши!

— Оставьте меня, я не умѣю плясать,—съ отчаяніемъ въ голосѣ простонала дѣвочка.

— Ага, не умѣешь! Хлѣбъ нашъ цыганскій умѣешь ѣсть, а плясать не умѣешь! Каждая цыганка должна умѣть пѣть и плясать. На то мы и вольныя птахи, цыганскія птицы пѣвчія...

— Я же собираю милостыньку... Я не сижу безъ дѣла,—чуть слышнымъ шопотомъ оправдывалась дѣвочка

— Ха, ха! Много ты собираешь!.. Дармоѣдка ты, вотъ тебѣ и весь сказъ!

И, злобно сверкнувъ глазами, онъ прибавилъ, грубо дернувъ дѣвочку за коротенькую бѣлокурую косичку, болтавшуюся у нея за спиной:

— Въ послѣдній разъ спрашиваю я тебя: будешь ты плясать намъ или нѣтъ?

И такъ какъ Галька, окаменѣвъ отъ испуга, стояла, не двигаясь съ мѣста, и только моргала, полными слезъ, глазами, онъ снова поднялъ руку съ кнутомъ и высоко взмахнулъ имъ надъ головой своей жертвы.

Отчаянный вопль боли и ужаса вырвался изъ груди дѣвочки. Она протянула ручонки по направленію къ лѣсу и громко закричала, собравъ всѣ свои силы:

— Орля! Орля! Гдѣ ты? Спаси меня, Орля! Спаси!

ГЛАВА III.

— Я здѣсь! Здѣсь я, Галина!—послышался звонкій, свѣжій голосокъ, и на опушку лѣса выскочилъ мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и, въ нѣсколько быстрыхъ прыжковъ, очутился въ кругу дѣтей.

— Ага! Опять обижали Гальку! Ну ужъ, ладно, теперь не спущу! Держись!—крикнулъ онъ по-цыгански и быстрымъ взоромъ смѣрилъ Яшку съ головы до ногъ.

Его черные, съ изсиня-бѣлыми яблоками бѣлковъ, глаза сверкнули бѣшенствомъ; сильныя грязныя руки сжались въ кулаки; курчавые волосы, ниспадая на лобъ и брови, придавали дикій видъ его смуглому лицу съ яркими пунцовыми губами, сквозь алыя каемки которыхъ сверкали ослѣпительно бѣлые, какъ сахаръ, зубы.

Яшка былъ на цѣлую голову выше вновь прибывшаго цыганенка и года на два старше его. Но меньше всего объ этомъ думалъ черноглазый Орля.

— Разъ! Два! Три!

Съ быстротою и ловкостью кошки онъ прыгнулъ на грудь Яшки и вцѣпился въ его плечи такъ быстро, съ такой неожиданной силой, что тотъ не выдержалъ натиска, зашатался и, не сумѣвъ сохранить равновѣсія, очутился на землѣ.

— Ага! Попался! Будешь знать теперь, какъ обижать Гальку!..

Яшка безсильно барахтался, лежа на землѣ, а на груди его сидѣлъ торжествующій Орля.

Сильный, здоровый, ловкій мальчуганъ, напряженно сжималъ колѣнями ребра противника, въ то же время руками прижимая его плечи къ землѣ. Свободными оставались только ноги Яшки, которыми онъ и выдѣлывалъ, желая вырваться изъ рукъ врага, такія уморительныя и потѣшныя движенія, что, глядя на него, всѣ остальные ребята не могли удержаться отъ смѣха.

— Ай да, Орля! Молодецъ Орля! Орелъ нашъ, не даромъ такъ зовется!—кричали они, позабывъ, что только за минуту до этого были на сторонѣ Яшки, который всячески подзадоривалъ ихъ дразнить и мучить бѣдную Гальку.

Этотъ смѣхъ и одобренія пришлись, однако, не по вкусу черноглазому Орлѣ.

— Эй, вы! Молчать у меня! Чего рты разинули?— закричалъ онъ звучнымъ, сочнымъ голосомъ. — Знай всѣ, кто хоть разъ пальцемъ посмѣетъ тронуть Гальку, словомъ единымъ обидитъ ее, съ тѣмъ я раздѣлаюсь по-свойски! Слыхали?

— А ты, Долговязый, вотъ что,—добавилъ онъ съ угрозою своему поверженному врагу, — ты у меня

смотри: на этотъ разъ отпущу—колотить не стану, а впредь не помилую... Ты вѣдь знаешь, я сильнѣе тебя, Яковъ, и шутить не люблю... А чтобы ты помнилъ разъ навсегда слова мои, вотъ тебѣ въ наказаніе...

Тутъ, съ быстротою молніи, Орля выхватилъ изъ руки все еще барахтавшагося подъ нимъ длиннаго цыганенка кнутъ и, въ одну секунду переломивъ его на нѣсколько мелкихъ частей, далеко отшвырнулъ обломки кнутовища въ кусты, прибавивъ уже съ добродушнымъ смѣхомъ:

— Ну, какой ты теперь цыганъ, Яшка? Безъ кнута цыганъ—то же, что безъ сѣдла конь! Осрамился ты, Долговязый, на долгіе годы. И подѣломъ тебѣ!.. Не будешь Гальку обижать.

Красный, сконфуженный, униженный, поднялся съ земли Яшка. Его злые, разгорѣвшіеся, какъ уголья, глаза метали цѣлое пламя бѣшенства, зубы оскалились, какъ у дикаго звѣря.

Орля сказалъ правду: кнутъ является неизбѣжной необходимостью каждаго цыгана и подростка; цыганята очень важничаютъ, имѣя при себѣ хорошіе прочные кнуты. Потеря такого кнута считалась большой оплошностью какъ для взрослаго, такъ и для мальчика-подростка.

Вотъ почему, рыча по-звѣриному, озлобленный Яшка подступилъ къ Орлѣ съ налившимися кровью глазами, съ угрожающе сжатыми кулаками.

— Слушай ты, молокососъ! Да я тебя за это!.. Да я тебя за это!..

Онъ не успѣлъ докончить своей угрозы. Пронзи-

тельный свистокъ пронесся въ эту минуту по лѣсной опушкѣ и замеръ въ лѣсу.

Дѣти разомъ встрепенулись и засуетились.

— Дядя Иванка кличетъ! Хозяинъ кличетъ! Слышь, ребята, зоветъ хозяинъ! Бѣжимъ къ нему, живо!

И они кинулись дружной толпой въ ту сторону, откуда слышался призывъ свистка.

— А мы еще посчитаемся съ тобою! — пробѣгая мимо черноглазаго Орли, прошипѣлъ ему въ самое ухо Яшка.—Ты такъ легко не уйдешь отъ меня. Врешь, не уйдешь!

— Ладно! Заведи раньше себѣ кнутъ, Долговязый,—добродушно отвѣтилъ ему тотъ и, взявъ за руку все еще плакавшую дѣвочку, произнесъ не то ласково, не то ворчливо:

— Ну, полно, не реви, Галька! Страсть не люблю, когда ревутъ! Слышь? Перестань сейчасъ же! Дядя Иванка звалъ. Идемъ къ нему, — и взявъ за руку дѣвочку, онъ поспѣшилъ на зовъ вслѣдъ за другими ребятами.

ГЛАВА IV.

ПОДЪ вѣтвями развѣсистой липы, на пнѣ срубленнаго дерева сидѣлъ высокій цыганъ, съ серьгою въ ухѣ, и строгими суровыми глазами поглядывалъ на всѣхъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

Это и былъ хозяинъ и начальникъ табора, дядя Иванка, очень суровый, взыскательный человѣкъ, безжалостно наказывавшій своихъ подчиненныхъ за малѣйшую провинность.

При каждой новой остановкѣ табора дядя Иванка дѣлалъ тщательный осмотръ всѣмъ пріобрѣтеннымъ на послѣдней остановкѣ, добычамъ.

Старшіе уже успѣли сдать хозяину все, что успѣли выклянчить или награбить у людей; теперь наступила очередь подростковъ и дѣтей.

— Эй, вы, команда, всѣ собрались?—грубымъ голосомъ окликнулъ хозяинъ сбѣжавшихся къ нему ребятъ.

— Всѣ, дядя Иванка! Какъ есть всѣ!—отозвались тѣ дружнымъ хоромъ.

— Ну, такъ живо показывай у кого что есть.

Едва только цыганъ успѣлъ сказать это, какъ дѣти бросились вразсыпную, каждый къ своей телѣгѣ. Бросился и бойкій Орля, Галькинъ защитникъ, вмѣстѣ съ другими.

Только одна бѣлокуренькая Галька осталась стоять передъ дядей Иванкой съ потупленными глазами и опущенной на грудь головой.

Ей не зачѣмъ было бѣжать за добычей. Она ничего не смогла выпросить въ тѣхъ усадьбахъ и деревняхъ, около которыхъ они останавливались таборомъ послѣдніе дни. Бѣленькая Галька не умѣла воровать, а милостыню цыганкамъ подаютъ скупо.

Впрочемъ, Галька не была цыганкой.

Лѣтъ восемь тому назадъ Орлина мать, чернобровая красавица Марика, привела откуда-то хорошенькую, нарядно одѣтую двухлѣтнюю дѣвочку, сказавъ, что нашла ее заблудившейся въ лѣсу.

Дѣвочку, названную тутъ же цыганами Галькой (очутившись среди цыганъ, съ испуга бѣдная крошка никакъ не могла сказать, какъ ее зовутъ), рѣшено было оставить въ таборѣ и научить просить милостыню по деревнямъ. Марика надѣялась, что хорошенькой бѣленькой нѣжной дѣвочкѣ будутъ подавать больше, нежели грубымъ воровatымъ цыганскимъ ребятишкамъ, но она жестоко ошиблась. Галькѣ не приходилось часто собирать милостыню. Она постоянно прихварывала и больше лежала на грязной перинѣ, подъ навѣсомъ телѣги, нежели ходила съ протянутой ручонкой.

Ея за это не взлюбили въ таборѣ, считая бѣлоручкой и дармоѣдкой. Пока жива была Марика, заступавшаяся за свою питомицу, жизнь Гальки еще не была особенно тяжела. Но вотъ случайно простудившись и схвативъ болотную лихорадку, Марика умерла, проболѣвъ недолго, и Гальку начали травить и мучить взрослые и дѣти.

Одинъ только Орля, ея названый братъ, защищалъ пріемную сестренку, какъ только могъ. Не разъ онъ выручалъ ее изъ бѣды, не разъ спасалъ ее отъ побоевъ, отъ страшнаго кнута дяди Иванки, удѣляя бѣдной дѣвочкѣ часть добычи, которую особенно ловко пріобрѣталъ онъ по усадьбамъ и деревнямъ.

Но сегодня, какъ нарочно, исторія съ Яшкой вытѣснила изъ головы Орли мысль о томъ, что Галька съ пустыми руками идетъ передъ грозные взоры страшнаго хозяина. Да и сама Галька, затравленная Яшкой и его сообщниками, забыла объ этомъ.

— Нѣтъ, сегодня ей не миновать кары...

Сердце дѣвочки дрогнуло и сильно забилось.

Между тѣмъ къ дядѣ Иванкѣ снова сбѣжались ребятишки шумной гурьбой. Каждый изъ нихъ принесъ что-нибудь.

У Орли подъ-мышкой отчаянно бился и визжалъ поросенокъ. Яшка тащилъ кудахтавшую курицу, его сестра, рябая Дарка,—пару утятъ; Аниска-кривой — огромный каравай хлѣба; кто-то — красную крестьянскую рубаху; кто-то—поясъ и горшокъ съ остатками каши. Даже маленькій семилѣтній Михалка сумѣлъ

стащить изъ-подъ носа зазѣвавшейся хозяйки пару стоптанныхъ туфель.

Каждый изъ ребятъ съ гордостью складывалъ свою добычу къ ногамъ хозяина и отходилъ отъ него, очень довольный хозяйской похвалой.

Наконецъ послѣдній мальчуганъ принесъ и бросилъ на колѣни дяди Иванки огромный кочанъ капусты, стащенный имъ на огородѣ.

Теперь наступила очередь Гальки, и глаза всѣхъ направились на нее.

ГЛАВА V.

— Ну, а ты, бѣлоручка, что принесла?—неожиданно загремѣлъ надъ испуганной дѣвочкой грозный хозяйскій окрикъ.

Галька, едва держась на ногахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, выступила впередъ.

— Я... я... я...—начала было дѣвочка.

— Опять ничего? Это въ который же разъ ты ничего не приносишь!—топнувъ ногою, крикнулъ дядя Иванка, и глаза его подъ нахмуренными бровями загорѣлись злобнымъ огнемъ.

Молчаніе Гальки, ея испуганный видъ и блѣдное, какъ снѣгъ, лицо не разжалобили свирѣпаго сердца цыгана, а, казалось, напротивъ, еще болѣе того распалили въ немъ злобу и гнѣвъ.

Онъ строго посмотрѣлъ на дѣвочку, ударилъ себя рукой по колѣну и сказалъ:

— Ну, довольно, моя милушка! Нынче же снимется и отойдетъ отсюда таборъ, а тебя мы покинемъ въ лѣсу. Хочешь,—умирай голодной смертью, хочешь,—

ищи себѣ новыхъ благодѣтелей, а намъ такая дармоѣдка, какъ ты, не нужна.

Услышавъ эти слова, бѣдная дѣвочка задрожала всѣмъ тѣломъ.

Какъ ни тяжела была ея жизнь впроголодь и въ грязи у цыганъ, но все же у нея былъ хоть уголъ въ телѣгѣ и кусокъ хлѣба съ остатками похлебки.

А самое главное здѣсь былъ Орля, ея милый братикъ и заступникъ, котораго одинокая Галька любила всѣми силами своей дѣтской души. Безъ Орли вся жизнь для Гальки казалась безсмысленной и ненужной.

И вотъ она принуждена покинуть Орлю и остаться одна-одинешенька въ этомъ глухомъ, жуткомъ лѣсу...

Дѣвочка закрыла обѣими ручонками поблѣднѣвшее личико и тихо, жалобно застонала.

— Дядя Иванка!—звонко выкрикнулъ дѣтскій голосъ, и Орля съ быстротою стрѣлы вылетѣлъ изъ толпы, расталкивая ребятишекъ и взрослыхъ.

— Дядя Иванка! Слышишь! Исхлещи меня кнутомъ до полусмерти, а Гальку оставь! Оставь, молю тебя объ этомъ!—внѣ себя, захлебываясь и волнуясь, выкрикнулъ мальчикъ и повалился въ ноги хозяину, обвивая руками его колѣни.

— Пошелъ вонъ! Еще что выдумалъ! Просить за дармоѣдку!.. Сказано, выброшу ее изъ табора — и дѣлу ко...

Дядя Иванка осѣкся, смолкъ внезапно, оборвавъ на полусловѣ свою фразу, и замеръ на мѣстѣ...

Мальчикъ повалился въ ноги хозяину...

Замерли и всѣ остальные, взрослые и дѣти, замеръ весь таборъ.

Прямо на нихъ, по дорогѣ, скакали пять всадниковъ. Одинъ взрослый, тоненькій студентъ въ бѣломъ кителѣ, и четыре мальчика-гимназиста—всѣ на обыкновенныхъ сытыхъ и быстрыхъ господскихъ лошадяхъ, а одинъ, передній всадникъ, крошечный по росту мальчуганъ, бѣлокурый и хорошенькій, на статномъ чистокровномъ арабскомъ конѣ.

При видѣ этого коня духъ замеръ у всего населенія табора.

Такого красавца-коня еще не встрѣчали на своемъ пути ни дядя Иванка, ни всѣ остальные цыгане за всю ихъ жизнь.

Рыжая шерсть лошади червоннымъ золотомъ отливала въ лучахъ утренняго солнца. Пышной волной струились пушистая грива и хвостъ. Стройная лебединая шея гордо выгибала прекрасную голову съ парою горючихъ, какъ уголья, глазъ и розовыми трепетными ноздрями.

— Смотрите, господа, цыгане! Цѣлый таборъ! Какъ это ихъ не видно изъ усадьбы отъ насъ!—серебристымъ голоскомъ крикнулъ передній маленькій всадникъ и круто осадилъ красавца-коня. Осадили своихъ лошадей и другіе.

Цыгане поспѣшили навстрѣчу вновь прибывшимъ.

Старая цыганка Земфира, помахивая своими сѣдыми лохмами, подошла къ старшему изъ всадниковъ, черненькому студенту.

— Баринъ-красавецъ, хорошій, пригожій, — затя-

нула она гортаннымъ непріятнымъ голосомъ, протягивая смуглую морщинистую руку,—дай ручку, посеребри ладошку, алмазный баринъ, брильянтовый, яхонтовый!.. Земфира судьбу твою тебѣ разскажетъ... Всю правду скажу, ничего не утаю, баринъ хорошій, пригожій, посеребри ручку, богатый будешь, счастливый будешь, сто лѣтъ проживешь! Посеребри ручку моему Ванькѣ на рубашечку, Сашкѣ на юбку!

На эту странную гортанную болтовню черненькій студентъ только разсмѣялся звонкимъ молодымъ смѣхомъ.

— Не надо сто лѣтъ, бабушка, ой, не надо... Что же это: всѣ свои перемрутъ, а я одинъ останусь столѣтній! Скучно!—шутилъ онъ, отмахиваясь отъ гадалки.

— А ты посеребри ручку, глазки твои веселые,— не унималась Земфира.

Студентъ съ тѣмъ же смѣхомъ полѣзъ въ карманъ и, доставъ какую-то мелочь, подалъ старухѣ.

— А гадать не надо, я и самъ умѣю гадать,— смѣялся онъ.

Въ это время Иванка и другіе цыгане окружили маленькихъ всадниковъ и жадными глазами разглядывали красавца-коня.

Бѣлокурый мальчикъ, сидѣвшій на немъ, весь зардѣлся отъ удовольствія, при видѣ такого вниманія къ своему скакуну.

— Хорошій конь! Рѣдкій! Откуда онъ у тебя?.. Поди, тысячу рублевиковъ за него дадено, — сверкая глазами, выспрашивалъ гимназиста цыганскій начальникъ.

— Не знаю сколько! Мнѣ его бабушка подарила, когда я перешелъ изъ перваго класса во второй,— съ нѣкоторой гордостью отвѣчалъ гимназистикъ.

— А эти кони тоже, поди, бабушкины? — снова спросилъ цыганъ.

Мальчикъ не успѣлъ отвѣтить. Черненькій студентъ подъѣхалъ къ нему и, перегнувшись въ стременахъ, сказалъ по-французски:

— Ну, не совѣтую распространяться больше. Среди цыганъ — много воровъ... Богъ вѣдаетъ, что у нихъ на умѣ сейчасъ... Поэтому всего благоразумнѣе будетъ повернуть домой и скакать обратно... Ну, друзья мои, стройся... И впередъ, рысью маршъ!..

И черненькій студентъ первый пришпорилъ свою лошадь. Четыре мальчика послѣдовали его примѣру и, кивнувъ цыганамъ, во весь опоръ понеслись по мягкой проселочной дорогѣ.

ГЛАВА VI.

— ВОТЪ такъ конь!

— Не конь, а картина!

— Жизни не пожалѣю за такого коня!

— Диво лошаль, что и говорить! Тысячу стоитъ, ничуть не менѣе...

Такъ говорили между собою цыгане.

Всадники давно уже скрылись изъ виду, а цыгане, всѣмъ табором собравшись въ кругъ, все еще жадно смотрѣли вслѣдъ ускакавшимъ.

Наконецъ дядя Иванка вернулся первый на свое мѣсто подъ липой и, почесавъ кудлатую голову, проговорилъ:

— Такого коня въ жизни я не видывалъ еще доселѣ. Теперь день и ночь о немъ думать буду... И тому, кто мнѣ этого коня раздобудетъ, я все отдамъ, ничего не пожалѣю... Помощникомъ, рукою своею правою сдѣлаю, какъ брата родного лелѣять стану и беречь, а состарѣюсь—весь таборъ ему отдамъ подъ начальство, хозяиномъ и старшимъ его надо всѣми

поставлю... Только бы вызвался кто изъ молодцовъ раздобыть мнѣ красавца-коня!

Едва успѣлъ окончить свою рѣчь хозяинъ, какъ всѣ находившіеся въ таборѣ мужчины, юноши и подростки, шумною толпою окружили его и загалдѣли своими гортанными голосами:

— Пошли меня, дядя Иванка!

— Нѣтъ, меня пошли! Я тебѣ это дѣло оборудую ловко!

— Лучше меня, хозяинъ; у меня счастье особенное!

— А мнѣ бабка-колдунья наворожила удачу—всякій разъ счастливо коней уводить.

— Ладно, врешь ты все! Я тебя счастливѣе! Всѣ это знаютъ... Я докажу, пускай только хозяинъ меня пошлетъ...

Вдругъ звонкій дѣтскій голосокъ покрылъ мужскіе:

— Дядя Иванка, пошли меня!

И, сверкая глазами, Орля вынырнулъ изъ толпы.

Дружный насмѣшливый хохотъ встрѣтилъ его появленіе.

— Тебя?.. Да ты бредишь, что ли, мальчишка!

— Не суйся не въ свое дѣло, не то попадетъ!

— Ишь ты! Наравнѣ со старшими носъ суетъ тоже!

— Проучить бы его за это, братцы!...

— Кнутомъ бы огрѣть, чтобы небу жарко стало!

— И то бы кнутомъ!

Послѣднія слова точно огнемъ опалили Орлю; онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, вытянулся какъ стрѣла.

Лицо его поблѣднѣло, губы вздрогнули и бѣлые зубы хищно блеснули межъ нихъ. Въ черныхъ глазенкахъ загорѣлся гордый огонь.

— Дядя Иванка!—проговорилъ онъ, окидывая окружавшихъ его цыганъ презрительнымъ взглядомъ.— Ты—хозяинъ и начальникъ надо всѣми, слѣдовательно голова. И ты меня хорошо знаешь. Кто тебѣ больше меня добычи приноситъ? Никто!.. Двѣнадцать годовъ мнѣ, а другой старый цыганъ послужилъ ли табору такъ, какъ я?.. Вспомни: я тебѣ трехъ коней у помѣщика увелъ, корову у крестьянина, изъ стада четырехъ барановъ, а сколько перетаскалъ поросятъ, овецъ да куръ, и счетъ потерялъ... Самъ ты меня въ примѣръ другимъ ставишь, Орленкомъ — Орлей прозвалъ за лихость, такъ почто же позволяешь издѣваться надо мной? Вотъ они всѣ за награду тебѣ коня привести обѣщаютъ, а мнѣ ничего не надо отъ тебя. Одного прошу: приведу коня—не выгоняй Гальки, дай ей жить у насъ, не заставляй ходить на работу. А больше ничего не спрошу... Такъ пошли же меня, дядя Иванка, Богомъ тебя заклинаю, пошли!

Горячо и убѣдительно звучала рѣчь мальчика. И когда онъ кончилъ, долгое молчаніе воцарилось кругомъ.

Дядя Иванка сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, и что-то раздумывалъ. Прошло минутъ пять. Наконецъ онъ поднялъ ее снова и обвелъ глазами толпившихся вокругъ него и Орли мужчинъ и женщинъ.

— Слушайте всѣ, — возвысилъ онъ голосъ, — мальчишка правду сказалъ. Ловчѣе и проворнѣе его

не найти среди насъ. Да и ростомъ онъ много меньше всѣхъ насъ будетъ. Куда мы, большіе, не пролѣземъ, онъ безъ труда пройдетъ. Его и посылаю... Слышь, Орля? Посылаю тебя! Отличись, Орленокъ! А приведешь коня — тебя и твою сестренку къ себѣ возьму въ хозяйскую телѣгу и замѣсто родныхъ дѣтей буду держать... Вырастешь, опять-таки хозяиномъ вмѣсто себя назначу. И Галькѣ не житье будетъ, а масленица тогда. Такъ и знай... Если же бахвалишься зря и коня не раздобудешь, не погнѣвись, мальчикъ: тебя кнутомъ исполосую, а Гальку брошу среди лѣса, — ты это знай... А теперь къ дѣлу... Не надо нынче идти на работу! Собирайтесь, женщины! Сейчасъ двинемся въ путь, отойдемъ подальше черезъ лѣсъ, на прежнюю стоянку.

— Слышишь, Орля, мчись во весь опоръ. Какъ уведешь коня, прямо къ послѣдней нашей лѣсной стоянкѣ лети, тамъ тебя и будемъ дожидать,—закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ мальчику, дядя Иванка.

ГЛАВА VII.

НОЧЬ. Свѣтлыя сумерки окутали землю. Легкій іюньскій полумракъ прозраченъ. Отчетливо видно въ немъ, кто идетъ по большой дорогѣ къ усадьбѣ. Но если прокрасться вдоль берега большого пруда съ обрывистыми берегами, можно остаться невидимымъ въ тѣни ракитъ.

Небольшая вертлявая фигурка крадется по самому береговому скату, держась за прибрежные ракитовые кусты.

Надъ головою раскинулись шатромъ плакучія ивы, и подъ вѣтвями ихъ можно укрыться отъ зоркихъ глазъ.

Орля вышелъ изъ лѣсу сразу послѣ заката солнца. Онъ прокрался между двумя стѣнами молодой, чуть поднявшейся, ржи и достигъ пруда. Здѣсь, подъ кустомъ ракиты, дождался онъ предночныхъ сумерекъ и пошелъ дальше.

Теперь уже и до усадьбы рукой подать. Вонъ бѣлѣютъ стѣны господскаго дома за деревьями сада...

Лишь бы пробраться въ садъ, гдѣ гораздо темнѣе отъ частыхъ деревьевъ и кустовъ. А тамъ онъ осмотрится и проберется дальше подъ тѣнью деревъ до самаго двора, къ конюшнямъ.

Жутко одно: не умолкая, трещитъ у господскаго дома сторожевая трещотка, и, то и дѣло, лаютъ собаки, будя ночную тишину.

Про собакъ Орля вспомнилъ, проводя послѣднія минуты въ таборѣ. Онъ захватилъ для нихъ съ собою сухихъ корокъ чернаго хлѣба.

Медленно прокрался цыганенокъ берегомъ пруда и подобрался къ изгороди усадьбы. Она была невысока: аршина два, не выше.

Выждавъ время, когда трещотка ночного сторожа затихла въ отдаленіи, Орля быстрыми движеніями рукъ и ногъ вскарабкался на заборъ и оттуда соскочилъ въ садъ, прямо въ колючіе кусты шиповника. Больно исцарапавъ себѣ лицо и руки, но не обративъ на это никакого вниманія, мальчикъ бросился впередъ, держась все время въ тѣни деревьевъ.

Въ господскомъ домѣ всѣ спали. Въ окнахъ усадьбы было темно. Только попрежнему на дворѣ, за садомъ лаяли неугомонныя цѣпныя собаки.

Орля двинулся впередъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и внезапно замеръ на мѣстѣ.

По садовой аллеѣ шли двѣ мужскія фигуры, надвигаясь прямо на него.

Однимъ прыжкомъ мальчикъ прыгнулъ за дерево и, спрятавшись за его широкимъ стволомъ, ждалъ, когда идущіе пройдутъ мимо.

Вотъ они ближе, еще ближе...

Теперь Орлѣ слышно каждое слово ихъ разговора.

— Надо зайти на конюшню, барчукову коньку корму къ ночи задать,—проговорилъ высокій мужчина своему спутнику.

— И я съ тобою, дядя Андронъ. Лишній разокъ погляжу на барченково сокровище,—отозвался молодой юношескій голосъ.

— Есть на что и взглянуть. Говорятъ, старая барыня этого коня за тысячу рублей у одного коннозаводчика купила. Ужъ больно жалѣетъ да балуетъ Валентина Павловна своего внучка...

«Это они навѣрное говорятъ про ту лошадь... И къ ней они идутъ... Надо за ними слѣдомъ... Сейчасъ же, сію минуту»,—забывъ страхъ и опасность, весь дрожа отъ нетерпѣнія, волновался въ своемъ убѣжищѣ Орля.

Лишь только оба спутника миновали дерево, за которымъ притаилась тонкая фигура Орли, мальчикъ выступилъ изъ-за него и, держась все еще въ тѣни, сталъ съ удвоенной осторожностью красться за ними...

Если бы одному изъ шедшихъ впереди мужчинъ пришла охота оглянуться, мальчикъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ бы замѣченъ, такъ какъ свѣтлая ночь начала іюня была немного темнѣе дня.

Боясь дохнуть, прижимая руку къ сильно бьющемуся сердцу, Орля слѣдовалъ за темными фигурами, то останавливаясь, то скользя какъ призракъ, легко, безшумно.

Такъ дошли они до изгороди.

Вотъ одинъ изъ мужчинъ открылъ калитку и вошелъ со своимъ спутникомъ во дворъ.

Цѣпныя собаки встрѣтили обоихъ радостнымъ лаемъ, привѣтствуя, какъ своихъ, но сейчасъ же глухо зарычали, почуявъ присутствіе Орли, успѣвшаго тоже прошмыгнуть въ калитку забора, отдѣлявшаго садъ отъ двора, и скрыться за угломъ какой-то пристройки.

Въ эту минуту старшій изъ спутниковъ сказалъ:

— Я открою конюшню, а ты сходи ко мнѣ, въ кучерскую, Ванюша; принеси сахару, тамъ, на столѣ, лежитъ... Страхъ, какъ разбойникъ этотъ, барчуковъ Ахиллъ, до сахару охотникъ.

— Ладно, принесу, дядя Андронъ,—и младшій изъ мужчинъ зашагалъ по двору къ дальнимъ строеніямъ.

Кучеръ вынулъ изъ кармана ключъ и открылъ имъ двери зданія, за угломъ котораго спрятался Орля.

Сердце мальчика забилось сильнѣе. Легкій крикъ восторга чуть не вырвался изъ его груди.

Зданіе оказалось конюшней, и изъ глубины ея послышалось веселое ржаніе коня.

Это былъ тотъ самый конь-красавецъ, за которымъ Орля пришелъ сюда, на чужой дворъ, и ради котораго онъ поставилъ на карту всю свою дальнѣйшую жизнь и счастье свое и Гальки.

Сквозь щель конюшни мальчику хорошо была видна гнѣдая статная фигура лошади, стройная шея, заплетенные на ночь грива и хвостъ.

— Теперь или никогда!.. Онъ сейчасъ придетъ, тотъ, другой, въ конюшню, зададутъ кормъ и уйдутъ,

закрывъ за собой дверь,—вихремъ проносились мысли въ головѣ Орли.—Стало быть, надо взять коня сейчасъ же, сію минуту!—рѣшилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ обуявшаго его волненія.

Весь планъ похищенія былъ придуманъ Орлей въ одну секунду. Надо было только выполнить его половчѣй.

И, подавивъ въ себѣ черезъ силу нараставшее съ каждымъ мгновеніемъ волненіе, Орля неслышно выбѣжалъ на середину двора. Не обращая вниманія на глухо зарычавшихъ привязанныхъ на цѣпь собакъ, кинувшихся къ нему навстрѣчу, онъ, приложивъ руку ко рту трубою, закричалъ громкимъ, отчаяннымъ голосомъ на весь дворъ и садъ:

— Пожаръ! Горимъ! Горимъ! Спасайтесь!

И снова порхнулъ за дверь сарая.

Оглушительнымъ лаемъ и визгомъ покрыли собаки этотъ крикъ мальчика. Онѣ рвались, бѣснуясь, со своихъ цѣпей, но Орлѣ уже было не до нихъ.

Изъ конюшни, встревоженный крикомъ, выскочилъ кучеръ.

— Гдѣ пожаръ? Что горитъ? — растерянно крикнулъ онъ и, сообразивъ что надо дѣлать, бѣгомъ бросился къ дому.

Этого момента только и ждалъ Орля.

Стрѣлою кинулся онъ въ конюшню, дрожащей рукой схватилъ за поводъ красавца-коня, вывелъ его на дворъ, однимъ ловкимъ прыжкомъ очутился на его спинѣ и, изо всей силы крикнувъ ему въ уши:—«гипъ, гипъ, живо!» хлестнулъ что было мочи лошадь

по золотистымъ бокамъ выхваченной изъ-за пояса плеткой.

Молодое горячее животное сразу взяло съ мѣста карьеромъ и понеслось стрѣлой по двору подъ оглушительный лай собакъ и отчаянные крики кучера, понявшаго теперь въ чемъ дѣло.

Сдѣлавъ высокій прыжокъ, лошадь перепрыгнула черезъ изгородь, отдѣлявшую дворъ усадьбы отъ дороги, и помчалась прямо по лѣсной дорогѣ, унося Орлю, вцѣпившагося руками въ ея гриву

ГЛАВА VIII.

— ДЕРЖИ его! Лови! Держите разбойника! Барчукову лошадь украли! Карраулъ!...—неслись за Орлей отчаянные крики.

Страшная суматоха, шумъ, крики, брань, угрозы,— все это понеслось за нимъ вдогонку.

Скоро къ этимъ звукамъ присоединились и другіе: топотъ нѣсколькихъ паръ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ юнаго цыганенка о мчавшейся за нимъ погонѣ.

Онъ улучилъ минуту и оглянулся. За нимъ скакало трое мужчинъ. Ихъ темныя фигуры рѣзко выдѣлялись на сѣромъ фонѣ іюньской ночи.

Орля снова выхватилъ кнутъ и изо всей силы ударилъ имъ коня.

Красавецъ-конь теперь уже не бѣжалъ, а мчался... Словно летѣлъ по воздуху... Но, какъ ни странно это казалось Орлѣ, лошади его преслѣдователей не отставали отъ лихого скакуна. По крайней мѣрѣ, разстояніе между мальчикомъ и погоней все уменьшалось и уменьшалось съ каждой минутой.

Лошадь перепрыгнула черезъ изгородь, унося Орлю...

Вотъ уже передній изъ преслѣдовавшихъ Орлю всадниковъ приблизился настолько, что мальчугану хорошо слышны и прерывистое дыханіе его лошади, и рѣзкіе звуки ея копытъ, и мужской голосъ, кричащій ему въ спину:

— Эй, остановись! Тебѣ говорятъ, стой, парнишка! Ой, остановись, лучше будетъ! Все равно, не уйти!

Но Орля, въ отвѣтъ на эти крики, только тѣснѣе сжималъ крутые бока лошади, да судорожнѣе впивался цѣпкими пальцами въ ея гриву.

Теперь онъ почти достигъ лѣса. До опушки его оставалось какихъ-нибудь десять-двѣнадцать саженей.

Еще немного, и онъ внѣ опасности.

Но что это? Хриплое дыханіе лошади и топотъ копытъ слышны уже совсѣмъ близко, за его спиной... Слышны и угрозы передового всадника... Онъ почти нагоняетъ его... Почти нагналъ...

Съ замираніемъ сердца пригибается Орля къ шеѣ коня. Гикаетъ ему въ ухо. Изо всей силы ударяетъ нагайкой, и... онъ въ лѣсу...

Передній всадникъ кричитъ въ бѣшенствѣ:

— Стой! Остановись! Все едино, поймаю!

Но Орля торжествующе взвизгиваетъ ему въ отвѣтъ:

— Поймалъ! Какъ-же! Держи карманъ шире!

Онъ уже въ лѣсу. Погоня отстала.

Вдругъ, сквозь деревья ближайшей чащи, онъ видитъ всадника на малорослой вороной лошадкѣ.

— Батюшки, да это Яшка! Длинный Яшка! Зачѣмъ онъ здѣсь?!—проносится быстрая мысль въ головѣ мальчика.

И совершенно упустивъ изъ памяти то, что Яшка его первый врагъ, Орля кричитъ весело, желая подѣлиться съ нимъ своей удачей:

— Яшка! Видишь! Удалось-таки! Увелъ-таки ко...

Онъ не докончилъ, смолкнувъ на полусловѣ.

Длинный Яшка поднимаетъ руку, взмахиваетъ ею, и въ тотъ же мигъ большой острый камень ударяетъ Орлю въ голову, чуть повыше виска.

Отчаянный, полный ужаса и боли, крикъ прорѣзываетъ тишину лѣса, и, выпустивъ поводъ, Орля, какъ подкошенный, обливаясь кровью, безъ чувствъ падаетъ на траву.

Почти одновременно съ этимъ Длинный Яшка хватаетъ украденнаго коня за поводъ и, стегнувъ свою лошадь, мчится въ чащу, уводя за собою на поводу Орлину добычу.

Въ это время погоня въѣзжаетъ въ лѣсъ.

— Гляньте-ка, братцы, никакъ кто-то лежитъ!

Кучеръ Андронъ первый замѣчаетъ безчувственнаго, окровавленнаго мальчика посреди лѣсной дороги; онъ слѣзаетъ съ лошади и наклоняется надъ нимъ.

Подъѣзжаютъ и другіе: конюхъ Иванъ и сторожъ Антипка.

— Да это тотъ самый, который лошадь укралъ!— неожиданно вскрикиваетъ послѣдній.—Куда-жъ это онъ отвелъ коня?

— Ври больше! Этотъ маленькій, а тотъ, поди, конокрадъ большой былъ!

— Ну, да, большой! Чуть отъ земли видно. Тоже скажешь. Ночь не темная—видно было, какъ скакалъ.

— Братцы, да онъ мертвый, весь въ крови! Неужто-жъ Ахиллъ его сбросилъ?

— Должно быть, что такъ...

— По дѣламъ вору и мука. А лошадь-то, лошадь гдѣ поймать?

— Гдѣ поймаешь ночью? Завтра утромъ сама придетъ, дорогу знаетъ къ стойлу. А вотъ съ мальчишкой-то что дѣлать?

— Извѣстно—въ полицію... Мертвый вѣдь онъ...

— До урядника пять верстъ... А пока что, домой-бы...

— Братцы, гляди-тка, дышитъ... Не померъ онъ... Простоналъ никакъ! Въ больницу бы его!

— Сказалъ тоже—въ больницу! За десять верстъ больница-то... а видишь, кровь такъ и хлещетъ изъ раны... Того и гляди, по дорогѣ умретъ.

— Дяденька Андронъ, а что, ежели въ усадьбу его? Барышня разъ навсегда приказали къ ней доставлять всѣхъ увѣчныхъ птицъ и больныхъ собакъ,—поднялъ нерѣшительно голосъ молоденькій конюхъ Иванъ.

— Да вѣдь то животныя, а это человѣкъ, и притомъ злостный человѣкъ: воръ, конокрадъ,—запротестовали въ два голоса Андронъ и Архипка.

— Такъ тѣмъ пуще надо. Не погибать же душѣ христіанской.

— Воровская у него душа, цыганская... Ну, да и впрямь, снести бы... Можетъ въ усадьбѣ-то отойдетъ, да скажетъ, куда лошадь дѣвалъ. Несемъ-ка его въ усадьбу, братцы!

И Андронъ нагнулся надъ безчувственнымъ Орлей и съ помощью конюха Вани поднялъ его и понесъ. Антипъ взялъ ихъ лошадей за поводья, и печальное шествіе двинулось по направленію къ усадьбѣ.

ГЛАВА IX.

ПРОСНУЛСЯ господскій домъ. Въ окнахъ его замелькали огни.

На террасѣ собрались всѣ обитатели усадьбы: Валентина Павловна Раева съ внукомъ Кирой и калѣкой-внучкой, хромой четырнадцатилѣтней дѣвочкой Лялей, ходившей на костыляхъ, ихъ гувернантка, Аврора Васильевна,—пожилая сухая особа; французъ, добродушный старичокъ мосье Диро, или «Ами», какъ его называли дѣти; репетиторъ бѣлокураго черноглазаго мальчика Киры, поразительно маленькаго для своихъ десяти лѣтъ, дальній родственникъ Раевыхъ, студентъ Михаилъ Михайловичъ Мирскій, «Микъ-Микъ» по прозвищу, данному ему самимъ Кирой, и другіе.

Тутъ же были и три товарища по гимназіи маленькаго Раева—дѣти бѣдныхъ родителей, которыхъ гостепріимная и добрая Валентина Павловна пригласила провести въ Раевкѣ лѣто: маленькій, необычайно нѣжный, похожій на тихую дѣвочку, Аля Голубинъ, сынъ отставной школьной учительницы; краснощекій,

румяный, плотный крѣпышъ, Ваня Курнышовъ, сынъ бѣднаго сапожника, и синеглазый веселый, горячій, какъ огонь, одиннадцатилѣтній хохолъ-сирота—Ивась Янко.

Между мальчиками то и дѣло юлила небольшая фигурка двѣнадцатилѣтней дѣвочки съ носикомъ-пуговицей, вихрастой головкой и бойкимъ птичьимъ личикомъ, шаловливой, вездѣ и всюду поспѣвающей. Это была Симочка—пріемышъ Валентины Павловны, выросшая въ ея домѣ вмѣстѣ съ сиротами-внуками.

Няня Степановна и щеголеватый лакей Францъ, у котораго ничего не было нѣмецкаго, кромѣ его имени, тоже пришли на террасу раздѣлить безпокойство своихъ господъ.

Кира, прелестный изящный мальчуганъ съ короткими кудрями и глазами, похожими на коринки, волновался больше другихъ.

— Вы поймите! Вы поймите!—обращался онъ то къ одному, то къ другому.—Бабушка мнѣ его подарила! А они его украли! Гадкіе, противные, злые цыгане!.. Мы проѣзжали, катаясь утромъ, мимо табора... Останавливались... А они такъ смотрѣли на Ахилла! Такъ смотрѣли!.. О, бабушка, бабушка! Да неужели же мы не найдемъ Ахилла, моего голубчика? Неужели не вернемъ?

— Будьте же мужчиной, Кира,—шепнулъ, приблизившись къ своему ученику, Микъ-Микъ, въ то время какъ Валентина Павловна, стараясь всячески утѣшить внука, гладила его кудрявую головку.

— Жаль, что я не поѣхалъ вмѣстѣ съ погоней!

Я бы поймалъ вора,—неожиданно проговорилъ синеглазый красавчикъ Янко, вспыхивая отъ нетерпѣнія.

— Какъ разъ! Кто кого? Ты вора, или онъ тебя?—шопотомъ насмѣшливо освѣдомился у товарища Ваня Курнышовъ.

— Ну, знаешь, благодари Создателя, что ужъ больно торжественная минута, а то бы я тебя...

И Янко незамѣтно щелкнулъ Ваню по его широкому, бойко задранному кверху носу.

— Ахъ, ты!..—всколыхнулся тотъ.

— Тише, тише! Я слышу, сюда идутъ. Лошадиныя копыта тоже слышу,—и блѣдная тоненькая хромая дѣвочка Ляля, поднявъ пальчикъ, остановилась у дверей террасы.

— Идутъ! Господи Іисусе! И несутъ кого-то,—невольно крестясь, вставила свое слово Степановна, тоже выглядывая за дверь.

— Поймали! Вора поймали! Ура!—неистово, на весъ садъ крикнулъ веселый Ивась и осѣкся, замолкъ сразу.

Двое мужчинъ съ мальчикомъ, безсильно свѣсившимся у нихъ на рукахъ, подошли къ террасѣ и положили безчувственное тѣльце на ея верхнюю ступеньку.

Кучеръ Андронъ выступилъ впередъ и, волнуясь, передалъ въ короткихъ словахъ обо всемъ случившемся.

— Вотъ онъ, воришка этотъ, либо мертвый, либо живой, не знаемъ. А лошадь исчезла, какъ въ воду канула. Утромъ мы съ Ваней обшаримъ весь лѣсъ... Съ парнишкой что прикажете дѣлать, Ва-

лентина Павловна, ваше превосходительство? Куда намъ велите доставить его? — заключилъ вопросомъ свою рѣчь Андронъ.

Бабушка подняла къ глазамъ лорнетъ, взглянула на распростертое передъ ней маленькое тѣло цыганенка, съ курчавой головой, съ сочившейся струйкой крови изъ раны на вискѣ, и проговорила взволнованнымъ голосомъ:

— Въ больницу его надо... Запрячь коляску и отвезти его сейчасъ же въ больницу.... Скорѣе!

— Ахъ, нѣтъ! Не надо въ больницу!.. Онъ умретъ по дорогѣ! Смотрите, какой онъ блѣдный, жалкій и весь въ крови!

И хромая дѣвочка наклонилась надъ Орлей.

— Бабушка, милая, дорогая, не отсылайте его отъ насъ!.. Я выхожу его... Можетъ быть, онъ выживетъ... не умретъ... Умоляю васъ, бабушка, хорошая, дорогая!

И дѣвочка со слезами на глазахъ, прильнула къ старушкѣ Раевой.

— Но вѣдь онъ воръ, Ляля! Пойми, такихъ въ тюрьму сажаютъ,—волнуясь, протестовала Валентина Павловна.—Онъ, наконецъ, у твоего брата лошадь укралъ! Сдѣлалъ несчастнымъ бѣднаго Киру!

— Бабушка! Милая! Но вѣдь, можетъ быть, и не онъ укралъ. И притомъ, кто знаетъ, его могли научить украсть другіе или заставить... принудить... Это вѣдь никому не извѣстно... Я умоляю, бабушка, разрѣшите его оставить у насъ... Онъ поправится и тогда скажетъ, куда дѣвалась лошадь и зачѣмъ онъ

увелъ ее. Я сама буду ухаживать за нимъ. Милая бабушка, разрѣшите только!

Калѣка-дѣвочка просила такъ трогательно и кротко, что не привыкшая отказывать въ чемъ-либо своимъ внукамъ бабушка невольно задумалась. Легкое колебаніе отразилось на ея лицѣ.

Валентина Павловна сама была очень добрая и чуткая по натурѣ. Пропажа дорогой лошади огорчила ее, тѣмъ болѣе, что лошадь эта была любимой забавой ея внука Киры-Счастливчика, какъ его называли всѣ въ домѣ. Но, съ другой стороны, нельзя же было дать умереть мальчику, котораго еще можно попытаться спасти. Воръ онъ или не воръ—покажетъ будущее, а пока надо во что бы то ни стало помочь ему.

И, покачавъ своей сѣдой головой, Валентина Павловна сказала отрывисто:

— Осторожно поднимите мальчика и отнесите его въ угловую комнату. Да пускай кто-нибудь скачетъ за докторомъ въ городъ... Попросите его сейчасъ же, ночью, пріѣхать къ больному.

Потомъ, помолчавъ немного, добавила тихо:

— И воды принесите мнѣ теплой, ваты и бинтовъ. Пока что, надо промыть и забинтовать рану.

И первая принялась хлопотать около безчувственнаго тѣла Орли.

ГЛАВА X.

ОРЛЯ не умеръ, хотя то состояніе, въ которомъ находился мальчикъ двѣ долгія недѣли, было близко къ смерти.

Какъ во снѣ, слышались ему, точно издалека, чьи-то заглушенные голоса. Боль въ головѣ помрачала ему сознаніе, но въ минуты проясненія, слегка пріоткрывъ глаза, мальчикъ видѣлъ участливыя склонившіяся надъ нимъ добрыя лица. Чаще другихъ—сѣдую голову и красивое старческое лицо, еще чаще хрупкую фигуру калѣки-дѣвочки съ блѣднымъ личикомъ и тоскливыми кроткими глазами.

Иногда боли въ головѣ становились нестерпимы. Орля кричалъ тогда и стоналъ на весь домъ. Человѣкъ въ круглыхъ очкахъ промывалъ рану на лбу, вливалъ въ ротъ больного лекарство и выстукивалъ ему какимъ-то молоточкомъ грудь.

Все это Орля чувствовалъ и видѣлъ въ какомъ-то дурманѣ.

Мальчикъ долго находился между жизнью и смертью,

но крѣпкій организмъ побѣдилъ смерть, и Орля почувствовалъ облегченіе, спустя же три недѣли впервые сознательно открылъ глаза.

Орля лежалъ въ свѣтлой чистенькой комнатѣ, залитой лучами солнца.

У постели его, прислонивъ къ колѣнямъ костыли, сидѣла блѣдная дѣвочка съ кроткими темными глазами.

— Тебѣ легче, мальчикъ? Не болитъ голова?— наклонившись къ нему, говоритъ она, съ участіемъ въ голосѣ.

Но Орлѣ не понравилось, что его тревожатъ, что ему задаютъ вопросы.

— А тебѣ что за дѣло?—грубо обрѣзалъ онъ ее.

— Ну, бранится—значитъ здоровъ! Это первый признакъ. Успокойтесь, Ляля! Исполать вамъ: отходили молодца!—послышался по другую сторону Орлиной кровати веселый насмѣшливый голосъ.

Орля съ трудомъ повернулъ голову и увидѣлъ черненькаго студента, который съ четырьмя мальчиками заѣзжалъ въ таборъ верхомъ.

И мгновенно полное сознаніе возвратилось къ больному. Вспомнился тотъ злополучный вечеръ... кража коня... бѣшеная скачка къ опушкѣ... внезапное появленіе Яшки... и камень... И все снова заволокло туманомъ передъ нимъ.

Когда туманъ разсѣялся снова, Орля понялъ одно: таборъ далеко, лошади у него нѣтъ и самъ онъ пойманъ и прикованъ, какъ узникъ, къ этой постели.

Его глаза загорѣлись горячимъ огнемъ. Лицо свело судорогой.

«О, только бы вырваться отсюда!.. Онъ сумѣетъ отплатить зломъ за зло долговязому разбойнику Яшкѣ, отомстить за все...

А Галька! Гдѣ Галька? Можетъ быть она давно брошена въ лѣсу и умерла съ голода?»—внезапно пришло ему въ голову, и онъ заскрипѣлъ зубами.

— Пустите меня въ таборъ! Въ таборъ хочу!—бурчалъ онъ себѣ подъ носъ и безпокойно заметался въ кровати.

— Ну, ужъ это дудки, мальчуганъ!—тѣмъ же веселымъ и безпечнымъ тономъ отозвался студентъ.—Пока не поправишься, оставайся съ нами, а потомъ иди себѣ съ Богомъ.

— Нѣтъ! Сейчасъ пустите!—угрюмо бросилъ больной.

— Ну ужъ, братецъ ты мой, этого никакъ нельзя! Не полагается! Два шага тебѣ не сдѣлать, сейчасъ рѣдьку закопаешь носомъ. Вѣрно тебѣ говорю. Отлежись, поправься, а потомъ и ступай,—добродушно говорилъ студентъ.

— Убѣгу, коли не пустишь!—злобно сверкнулъ на него еще ярче разгорѣвшимися глазами Орля.

— Ну, братъ, для побѣга сила нужна.

— Не дразните его, Микъ-Микъ! Онъ самъ видитъ, что сейчасъ ему не встать съ постели,—мягко остановила дѣвочка молодого человѣка.—Не правда-ли, мальчикъ, у тебя мало еще силы? Ты еще слабъ... А скажи мнѣ кстати, какъ зовутъ тебя, милый?

Но вмѣсто отвѣта Орля только мотнулъ головою.

— Убирайся! Отстань! Чего пристала!—буркнулъ

онъ, съ ненавистью глядя въ кроткое, склонившееся къ нему, лицо.

— Вотъ такъ штука!—засмѣялся Микъ-Микъ,— его отъ смерти спасли, отходили, а онъ бранится. Ну и малецъ! Мое почтеніе!

— Онъ еще боленъ, оставимъ его въ покоѣ!— произнесла сконфуженная Ляля и, поправивъ подушки больного, тихо посовѣтовала Орлѣ уснуть.

* * *

Какъ-то разъ, проснувшись утромъ, Орля былъ пріятно пораженъ. Голова у него не болѣла вовсе, обычная за послѣднее время слабость исчезла совсѣмъ. Что-то бодрое вливалось ему волною въ душу.

Вчера еще хромая Ляля, принося ему обѣдъ, нашла его свѣжѣе и бодрѣе обыкновеннаго и разрѣшила ему встать сегодня.

Но и помимо этого разрѣшенія онъ бы всталъ и такъ, безъ спросу.

Ясное лѣтнее солнышко заглядывало въ комнату. Деревья шептали зелеными вѣтками тамъ, за окномъ. Небо голубѣло вдали, сливаясь съ горизонтомъ за золотыми полями. Въ сосѣдней сельской церкви благовѣстили къ обѣднѣ.

Въ одну минуту Орля вскочилъ съ постели и, пошатываясь отъ слабости, оглянулся вокругъ.

— Ба! Что это такое лежитъ на стулѣ?

Два прыжка на ослабѣвшихъ ногахъ, и мальчикъ уже держалъ въ рукахъ красную кумачевую рубашку, плисовые шаровары и высокіе сапоги.

— Никакъ для меня это!—произнесъ онъ, ухмыльнувшись, и сталъ торопливо одѣваться въ новешенькій, съ иголочки, костюмъ.

Три четыре минуты—и Орля былъ неузнаваемъ. Чуть покачиваясь на подгибающихся ногахъ, онъ подошелъ къ зеркалу, стоявшему въ углу комнаты, заглянулъ въ него и ахнулъ: въ одѣтомъ по-барски, худомъ, высокомъ мальчуганѣ съ наголо остриженной, изсиня-черной головой, съ огромными, вслѣдствіе худобы, глазами, трудно было узнать прежняго Орлю, лихого и вороватаго таборнаго цыганенка.

Онъ съ восхищеніемъ разглядывалъ свою измѣнившуюся фигуру, поворачиваясь то вправо, то влѣво, строя себѣ въ стеклѣ уморительныя рожицы.

— Вотъ-бы въ таборъ улепетнуть въ такомъ видѣ! И то-бы улепетнулъ!.. Шапки только нѣтъ, вотъ жалость. А ужъ одежа такая, какой не сыщешь у самого дяди Иванки,—рѣшилъ онъ и даже прищелкнулъ отъ удовольствія языкомъ.

Глаза его метнулись на дверь. Онъ сдѣлалъ, осторожно крадучись, шагъ, другой, третій. Еще шагъ, и въ рукахъ его ручка запора. Разъ...

Вотъ радость! Дверь не заперта!..

Весь трепещущій, похолодѣвшій отъ волненія, Орля перешагнулъ порогъ и очутился въ коридорѣ. Едва касаясь ногами пола, онъ заскользилъ по направленію слѣдующей двери, бѣлѣвшей на противоположномъ концѣ длиннаго перехода.

Мертвая тишина царила въ домѣ, точно онъ былъ необитаемъ въ этотъ утренній часъ.

— Въ таборъ! Въ таборъ!—металась мысль въ разгорѣченной головѣ мальчика.—Лишь-бы убѣжать отсюда незамѣченнымъ, а тамъ найду дорогу, догоню своихъ, дядѣ Иванкѣ все разскажу про Яшку, пускай его судитъ... А Гальку вернетъ... велитъ отыскать и вернуть, ежели прогналъ ее, бѣдняжку... Только бы не оплошать сейчасъ, только бы не замѣтилъ кто...

Съ сильно бьющимся сердцемъ мальчикъ пріоткрылъ дверь и заглянулъ въ щель.

Большая нарядная пустая комната. Ни души. Значитъ можно войти въ нее.

И Орля перешагнулъ порогъ гостиной. Отсюда онъ прокрался наудачу въ свѣтлую, залитую солнцемъ, столовую. Потомъ на террасу. Еще нѣсколько быстрыхъ шаговъ, и онъ въ саду.

Здѣсь мальчикъ пріостановился, удивленно озираясь во всѣ стороны.

Что это? Тотъ самый садъ, черезъ который онъ пробирался къ конюшнямъ за конемъ въ ту злополучную ночь! Онъ у тѣхъ же господъ, у которыхъ свелъ со двора коня-красавца! Ну, стало быть, плохо дѣло... Вылѣчили они его съ тѣмъ, чтобы судить, въ тюрьму бросить за воровство. А, можетъ статься, и похуже что ожидаетъ его—Орлю... Нѣтъ! Скорѣе, скорѣе, пока не хватились, утекать отсюда...

Собравъ всѣ свои силы, мальчикъ вздохнулъ всею грудью и съ мѣста стрѣлою пустился бѣжать.

Вотъ и знакомый плетень, за нимъ дорога. Слабыми руками Орля опирается о него, ослабѣвшими за время болѣзни ногами лѣзетъ черезъ перекладины. Го-

лова кружится съ непривычки, въ глазахъ туманъ, сердце бьется сильно и неровно въ груди.

Прыжокъ, и онъ на дорогѣ.

Теперь скорѣе, скорѣе къ лѣсу. «Ну, Орля, держись!»—подбадривая себя, говоритъ мальчикъ и пускается бѣгомъ по пыльной мягкой дорогѣ.

ГЛАВА XI.

Ты это куда, паренекъ, собрался?

Тяжелая рука опустилась на плечо Орли, и, словно изъ-подъ земли, передъ нимъ выростаетъ фигура щеголеватаго лакея Франца.

Францъ и гувернеръ, monsieur Диро, идутъ съ мокрыми полотенцами отъ пруда, гдѣ только-что выкупались оба. Они еще издали замѣтили бѣгущую фигурку и пошли наперерѣзъ бѣглецу.

У monsieur Диро на лицѣ испугъ и изумленіе. Рука Франца изо всей силы сжимаетъ Орлино плечо.

— Господа въ церковь изволили пойти, а ты лататы тѣмъ временемъ задалъ!—громко произноситъ Францъ.—Куда похвально! Нечего сказать! Такъ-то благодѣтелямъ своимъ отплачиваешь! Маршъ домой! А что-бъ больше не думалъ убѣгать, я тебя на ключъ закрою, пока что.

И Францъ, схвативъ за руку Орлю, потащилъ его къ дому.

Monsieur Диро, мягкій и добродушный, по своему

обыкновенію, шелъ за ними, приговаривая на ломаномъ русскомъ языкѣ:

— О—о! Каковъ мальчуганъ!.. Удраля среди бѣленьковъ денька... Сапирайти его, Францъ, потуже до генеральшинъ приходъ отъ церквей.

Но Францу всѣ совѣты были излишни. Онъ и самъ зналъ, что ему надо дѣлать. Притащивъ упиравшагося Орлю въ домъ, онъ втолкнулъ его въ первую попавшуюся комнату и, плотно притворивъ дверь, закрылъ ее на ключъ.

— Сиди и жди своей участи, разбойникъ. Ишь, что выдумалъ—изъ дому убѣгать! Постой, будетъ еще тебѣ на орѣхи!

Орля слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ. Слышалъ удалявшіеся шаги и воркотню Франца. Маленькое сердце цыганенка зашлось волною новаго бѣшенства.

— «Это что-жъ такое? Заперли, какъ птицу въ клѣткѣ... Грозятъ... не пускаютъ на свободу... Да я за это весь домъ разнесу!» — думаетъ про себя Орля.

Страшный приливъ злобы охватилъ душу мальчика. Какъ дикій звѣрекъ, заметался онъ по комнатѣ, воя по-звѣриному, топая ногами, изо всей силы ударяя кулаками въ неподдающуюся его ослабѣвшимъ за болѣзнь силенкамъ дверь.

Потомъ, злобный, негодующій, съ пѣной у рта, со сверкающими бѣшенствомъ глазами, онъ остановился посреди комнаты, выискивая взоромъ, что бы ему сокрушить, сломать.

Комната, въ которой онъ очутился, была длинная,

полутемная, съ нѣсколькими шкапами, стоящими по стѣнамъ.

Внѣ себя Орля подскочилъ къ ближайшему изъ нихъ и широко распахнулъ его дверцу.

Торжествующій крикъ вырвался изъ его груди: въ шкапу висѣли платья, и нарядныя, и повседневныя, изъ суконныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, тюлевыхъ и кружевныхъ тканей.

Съ минуту мальчикъ стоялъ, какъ бы оцѣпенѣвъ на мѣстѣ... Какое богатство!.. И вдругъ, испустивъ новый дикій, пронзительный крикъ, полный торжества и злобы, онъ бросился впередъ и проворными руками сталъ срывать съ вѣшалокъ всѣ висѣвшіе на нихъ костюмы... Новый крикъ... И затрещали дверцы другого шкапа...

Теперь все содержимое въ обоихъ было выкинуто проворными руками Орли на середину комнаты. Еще шкапъ и еще...

Не прошло и десяти минутъ, какъ они всѣ были опорожнены до нитки, а посреди комнаты высилась теперь цѣлая груда пестраго, свѣтлаго и темнаго платья.

— Ага! Такъ-то вы со мною! Ну, такъ постойте же!—прохрипѣлъ Орля, ринулся на верхъ груды костюмовъ и сталъ рвать ихъ руками и зубами съ ожесточеніемъ, какъ взбѣсившійся волченокъ.

Трескъ шелка и сукна, рѣжущій звукъ разрываемыхъ на клочья лентъ и кружевъ, глухой свистъ разлѣзающагося по швамъ барежа въ продолженіе добраго получаса наполняли тишину комнаты.

Гдѣ не могли совладать съ прочной матеріей руки

Орли, помогали зубы, при чемъ мальчикъ катался по полу, вылъ и скрежеталъ зубами въ неистовствѣ, какъ настоящій дикарь.

Наконецъ, онъ усталъ отъ своей разрушительной работы. Вокругъ него теперь валялись всюду, густо устилая полъ, куски матерій, клочья и лохмотья растерзанныхъ платьевъ, накидокъ, жакетовъ, словомъ, всего того, что, аккуратно развѣшенное, хранилось до этой минуты въ гардеробныхъ шкапахъ.

При видѣ произведеннаго имъ полнаго разрушенія, Орля вздохнулъ облегченно, повернулся къ двери, погрозилъ по направленію ея кулакомъ и, злобно усмѣхнувшись, проговорилъ, сверкая глазами:

— Ладно! Хватитъ съ васъ! Будете помнить, какъ запирать Орлю, да томить въ неволѣ! А если потомъ держать станете, хуже еще устрою...

Тутъ онъ пошатнулся, изнуренный непривычными усиліями, опустился на полъ и сразу уснулъ крѣпкимъ долгимъ сномъ выздоравливающаго, но не въ мѣру утомленнаго ребенка.

ГЛАВА XII.

ВОТЪ такъ разгромъ! Что же это такое? Никакъ нашествіе иноплеменниковъ! Царица Небесная! Святители, Никола Чудотворецъ! Батый, что-ли, со своею ратью здѣсь побывалъ!

Микъ-Микъ стоялъ въ дверяхъ гардеробной и сокрушенно покачивалъ головою. Но темные глаза его смѣялись помимо воли; а губы тщетно силились скрыть улыбку.

Изъ-за тонкой высокой фигуры студента выглядывали пять взволнованныхъ рожицъ.

Счастливчикъ Кира, Симочка, Ваня, Ивась и Аля съ любопытствомъ, присущимъ ихъ возрасту, разглядывали царившій въ гардеробной хаосъ и спавшаго на грудѣ лохмотьевъ и тряпья, какъ ни въ чемъ не бывало, Орлю.

Кира опомнился первый.

— Надо бабушкѣ сказать! Онъ всѣ платья попортилъ! О, какой злой мальчишка!

— Вотъ такъ фунтъ изюма! Запорожецъ-воякa да

и только!—не безъ нѣкоторой доли восторга вырвалось изъ груди Ивася.

— Варваръ онъ! Сколько добра перепортилъ! Денегъ-то, денегъ зря сколько пропало!—сокрушался Ваня, и его толстыя румяныя щеки отдувались отъ негодованія.

— Ахъ, что съ нимъ будетъ теперь? Неужели его посадятъ въ тюрьму?—и нѣжный тихонькій Аля всплеснулъ своими дѣтскими ручонками.

— Ну, въ тюрьму не въ тюрьму, а этого оставить такъ невозможно. Надо прежде всего пойти предупредить бабушку,—рѣшилъ Микъ-Микъ.—А вы, друзья мои, останьтесь здѣсь и Боже васъ упаси сего неистоваго Роланда пальцемъ тронуть! Берегитесь—сокрушу!

У Микъ-Мика была одна драгоцѣнная особенность: онъ не терялъ ни на минуту своего веселаго расположенія духа. И сейчасъ, несмотря на всю необычайность случая, черненькій студентъ не растерялся.

— Симочка! Отмѣнная дѣвица! Пожалуйте со мною!—скомандовалъ онъ.

— Ахъ, Микъ-Микъ, позвольте мнѣ остаться!

— Ну, хорошо, только чуръ, цыганенка не будить!

И Михаилъ Михайловичъ вышелъ изъ комнаты.

Лишь только шаги его замолкли въ коридорѣ, Симочка на цыпочкахъ подкралась къ собраннымъ въ кучу безобразнымъ клочкамъ гардероба.

— Ахъ, мое розовое тюлевое платье! — вскричала она съ отчаяніемъ въ голосѣ, увидя что-то нѣжное и воздушное въ общей грудѣ тряпья.

— Дѣйствительно, ваше платье. Увы, оно при-

казало долго жить! — съ комическимъ вздохомъ проронилъ Ивась.

— Вамъ хорошо смѣяться. А мнѣ каково! Мое розовое платье! Мое бѣдное розовое платье!

— Не плачьте, эка важность! — становясь въ позу и поднимая руку кверху, произнесъ Ивась; — въ прежнія времена люди совсѣмъ ходили безъ платьевъ и не ревѣли же они!

— Не плачь, Симочка, — обнимая сестру, проговорилъ Счастливчикъ, — мнѣ тяжелѣе. Ахиллъ пропалъ и, должно быть, не найдется никогда!

— Бѣдный Ахиллъ! И ему не легко, конечно! — произнесъ тихонькій Аля, обводя всѣхъ своими голубыми глазами.

— Господа, а что, если разбудить этого душку съ разбойничьими ухватками и сразу предложить ему вопросъ, куда онъ дѣвалъ лошадь, — предложилъ Ваня. — Пожалуй, онъ скажетъ со сна!

— Сосна — дерево, и оно не говоритъ, —острилъ Ивась.

— Острить не время теперь, — произнесъ, пожимая плечами, Ваня.

— Нельзя трогать цыганенка! Микъ-Микъ не позволилъ его трогать! Вы слышали? — вмѣшался Счастливчикъ.

— Его никто не тронетъ! Мы только его спросимъ.

И, не дождавшись отвѣта своихъ товарищей, Ваня быстро приблизился къ спящему на грудѣ тряпья мальчику и, наклонившись къ нему, произнесъ громко:

— Эй, полупочтенный, какъ тебя, проснись!

Въ одну минуту Орля былъ на ногахъ. Испуганно вытаращенными глазами онъ смотрѣлъ на дѣтей, ничего не понимая.

Но вотъ румяный толстый мальчикъ положилъ ему руку на плечо и неожиданно спросилъ:

— Гдѣ лошадь?

И вмигъ Орля понялъ все. На его испуганное лицо набѣжала мрачная тѣнь. Глаза засверкали. Онъ смѣрилъ ими Ваню съ головы до ногъ и сжалъ кулаки.

Толстенькій Курнышовъ не смутился.

— Ты погоди! Не дерись! Драться послѣ будешь. Ты лучше скажи, куда лошадь дѣвалъ?

Молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Пожалуйста, мальчикъ, скажи... Это моя лошадь... Я ея хозяинъ, — вмѣшался Кира, выступая впередъ.

Чистенькій, бѣленькій, нарядный мальчикъ произвелъ неожиданное впечатлѣніе на Орлю. Внезапная злоба загорѣлась въ немъ снова и обрушилась на этого хорошенькаго мальчика, осмѣлившагося заявить ему объ его правѣ на красавца-коня.

Орля вытянулся во весь ростъ, изогнулся, какъ кошка, и, взмахнувъ руками, бросился на Счастливчика.

Оба мальчика полетѣли на полъ и забарахтались въ кучѣ тряпья.

Ваня и Ивась бросились на выручку товарища. Симочка испуганно закричала на весь домъ:

— Онъ убьетъ Киру! Онъ убьетъ Счастливчика! Злой, гадкій цыганенокъ!

Ей вторилъ Аля своимъ тоненькимъ, совсѣмъ еще дѣтскимъ, голоскомъ.

* * *

— Не угодно-ли! Вотъ вамъ и оставляй однихъ сихъ благородныхъ юношей и даму! — произнесъ насмѣшливо Микъ-Микъ, появляясь на порогѣ въ сопровожденіи Валентины Павловны, monsieur Диро, Ляли и ея гувернантки.

Затѣмъ онъ стремительно кинулся къ общей живой кучѣ, извлекъ изъ-подъ низу ея сконфуженнаго Киру и поставилъ его передъ бабушкой.

— Счастливчикъ! Милый, дорогой Счастливчикъ! Не ушибъ онъ тебя, этотъ разбойникъ? — волновалась бабушка, зорко оглядывая безпокойнымъ взглядомъ своего любимца.

— Не разбойникъ онъ, а просто Щелчокъ-мальчишка, пистолетъ и сорви-голова! — засмѣялся Микъ-Микъ и, взявъ за руку Орлю, рвавшагося отъ него, подвелъ его къ Валентинѣ Павловнѣ.

— Ну, не Щелчокъ это? Скажите откровенно?

— Хорошъ Щелчокъ! Это преступникъ какой-то! И я не рѣшаюсь больше держать его у себя въ домѣ!—съ ужасомъ и негодованіемъ произнесла бабушка.

— Щелчокъ! Щелчокъ! Вотъ такъ названіе! — засмѣялись дѣти.

— Тише! Перестаньте, не до шутокъ теперь! — повысила голосъ Аврора Васильевна.

— Судъ надъ преступникомъ начинается, — шепнулъ Ивась на ухо Симочкѣ, и та едва не фыркнула на всю комнату, забывъ недавнее горе.

— Послушай, мальчикъ, — проговорила Валентина Павловна, строго глядя въ лицо потупившагося Орли, — ты очень виноватъ передъ нами. Ты увелъ лошадь моего внука, очень дорогую лошадь, и, благодаря тебѣ, она исчезла куда-то. Тебя, разбитаго на смерть, принесли къ намъ и, зная, что ты воръ и преступникъ, мы, однако, не погнушались тобою, пріютили тебя у насъ, отходили, вылѣчили. А ты какимъ зломъ отплатилъ за добро сегодня! И этому доброму ангелу, Лялѣ, моей внучкѣ, ты мстилъ, какъ и всѣмъ намъ, тогда какъ она не отходила отъ твоей постели во время болѣзни и съ рѣдкимъ терпѣніемъ, сама больная и хрупкая, ухаживала за тобой! Много причинилъ ты намъ зла и убытка. За покражу лошади и порчу костюмовъ тебя слѣдовало бы отдать въ руки полиціи, посадить въ тюрьму. Но Богъ съ тобою! Ступай, откуда пришелъ, къ своимъ, въ таборъ. Можетъ быть, рано или поздно, совѣсть заговоритъ въ тебѣ и ты исправишься, — заключила бабушка свою рѣчь.

— Вотъ и приговоръ! — тихонько на ушко Симочкѣ произнесъ шопотомъ неугомонный Янко.

Орля, все время стоявшій опустивъ голову и потупивъ въ землю глаза, едва слышалъ, что ему говорили.

Но при послѣднихъ словахъ Валентины Павловны онъ встрепенулся, вздрогнулъ и метнулъ загорѣвшимся взоромъ въ лицо старушки.

Микъ-Микъ подвелъ рвавшагося отъ него Орлю къ Валентинѣ Павловнѣ...

«Полно! Такъ-ли? Не обманываютъ-ли они его? Неужто и впрямь можно уйти?... домой?... въ таборъ?...»

Мальчикъ весь поблѣднѣлъ и затрясся. Теперь онъ какъ-то весь съежился и чутко ловилъ каждое слово хозяйки усадьбы.

А Валентина Павловна, между тѣмъ, строгимъ голосомъ продолжала:

— Сегодня еще отдохни у насъ, подкрѣпись, поѣшь хорошенько, выспись ночью, а завтра съ Богомъ ступай. Ничего съ тобой, видно, не подѣлать. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Затѣмъ, помолчавъ съ минуту, она добавила:

— Одежду, которую тебѣ дали, ты оставишь себѣ, и денегъ на дорогу я тебѣ тоже дамъ... Богъ съ тобой! Ступай! — произнесла она съ легкимъ вздохомъ, — видно ничто на тебя не подѣйствуетъ. Ступай, маленькій преступникъ, ступай съ моихъ глазъ.

— И, опять-таки, не преступникъ, а попросту Щелчокъ, отчаянный Щелчокъ, дикарь, сорви-голова, выросшій на свободѣ, — засмѣялся Микъ-Микъ, — и, сдается мнѣ, что, если бы этимъ мальчуганомъ заняться хорошенько, изъ него дѣльный парень вышелъ бы въ концѣ-концовъ! Посмотрите на его лицо: смѣлое, открытое. Обычной цыганской вороватости въ немъ и помину нѣтъ.

— Вороватости нѣтъ, а воруетъ сколько угодно, — шепнулъ Ивась толпившимся тутъ же дѣтямъ.

— Пусть идетъ на кухню. Ему дадутъ поѣсть, и пусть шапку и пальто изъ старыхъ вещей ему доста-

нутъ, нянѣ скажите, — роняла усталымъ отъ волненія голосомъ Валентина Павловна.

— Слышишь ты, Щелчокъ: тебя съ головы до ногъ облагодѣтельствовали, — шутливо похлопавъ его по плечу, произнесъ Микъ-Микъ, — не скажешь ли ты куда дѣвалъ коня?

— Да! Да! Скажи, гдѣ моя лошадь? — неожиданно выскочивъ впередъ, произнесъ Счастливчикъ, нерѣшительно заглядывая въ хмурое лицо цыганенка.

— Милый мальчикъ, скажи! — прозвучалъ подлѣ него нѣжный-нѣжный голосъ, и чья-то маленькая ручка погладила его по головѣ.

«Что это? Кто сказалъ это? Никакъ покойная мать, либо Галька, часто гладившая его кудлатую голову своей маленькой ручкой?» — подумалъ Орля и вскинулъ глаза на говорившую.

Передъ нимъ было блѣдное личико и печальные кроткіе глаза Ляли. Они смотрѣли такъ ласково на Орлю. Ласково и грустно.

Что-то кольнуло въ сердце маленькаго дикаря. Теплая волна затопила на мгновенье душу. Хотѣлось броситься къ этой блѣдной высокой дѣвочкѣ и пожаловаться ей на Яшку, на дядю Иванку, такъ жестоко поступающаго съ Галькой, на всѣхъ и на вся.

Но это продолжалось лишь одну минуту. Въ слѣдующую же Орля сдѣлался прежнимъ Орлей, чуждымъ раскаянія и добрыхъ побужденій сердца.

Онъ грубо мотнулъ головою, такъ что худенькая ручка Ляли соскользнула съ его головы, и угрюмо буркнулъ себѣ подъ носъ:

— Отвяжитесь! Чего пристали! Почемъ я знаю, гдѣ конь! А коли и знаю, то не скажу, вотъ вамъ и весь сказъ.

ГЛАВА XIII.

СНОВА ночь. Теплая душистая, какія бываютъ ночи въ іюнѣ. Легкій, чуть замѣтный, вѣтерокъ колышетъ верхушки липъ и березъ въ большомъ господскомъ саду.

Все тихо кругомъ. Уснула усадьба. Даже ночной сторожъ вздремнулъ ненарокомъ подъ заборомъ. Молчитъ его трещетка. Молчатъ и цѣпныя собаки, уставшія за день лаять и рваться съ цѣпей.

Одинъ Орля не спитъ. Онъ лежитъ съ широко раскрытыми глазами въ той самой комнатѣ, гдѣ долгія двѣ недѣли лежалъ, прикованный къ постели. Лежитъ и смотритъ въ окно.

Его сердце ликуетъ. «Пройдетъ ночь, взойдетъ солнце, — такъ думаетъ Орля, — и онъ уйдетъ отсюда догонять таборъ, своихъ».

Не нищимъ уйдетъ, а нарядным, въ сапогахъ, алой рубахѣ, въ шапкѣ, въ пальто. И денегъ ему дали, два цѣлковыхъ на дорогу. Ровно тебѣ баринъ. То-то подивятся на него въ таборѣ! А онъ, первое

дѣло, къ дядѣ Иванкѣ: про Яшкину каверзу донесетъ, всю правду откроетъ, кто коня увелъ, и про Галькy все разузнаетъ. Ежели въ таборѣ ея нѣтъ — сейчасъ же дядя Иванка разыскать ее прикажетъ, Орлю наградитъ, какъ обѣщалъ, къ себѣ съ Галькой его въ дѣти возьметъ, и будетъ у нихъ не жизнь, а масленица. А Яшку изъ табора выгонитъ... Подѣломъ ему, вору...

Орля даже привсталъ съ постели отъ радостнаго волненія.

Только бы ужъ скорѣе, скорѣе минула эта ночь!

Выплыло передъ нимъ на мгновенье блѣдное личико съ кроткими, грустными глазами, вспомнилась ему хромая дѣвочка, ухаживавшая за нимъ, какъ мать, во время болѣзни. Опять теплая волна прилила къ сердцу и отхлынула снова...

Орля зажмурилъ глаза, натянулъ одѣяло на голову и, свернувшись комочкомъ на мягкой постели, приготовился спать, какъ неожиданно снова вскочилъ и, устремивъ глаза въ окно, сталъ чутко прислушиваться.

До его ушей донесся легкій, чуть слышный, стонъ, доходившій изъ сада.

Съ минуту мальчикъ сидѣлъ, недоумѣвающе хлопая глазами.

— «Что за диво! Кому бы стонать въ эту пору въ саду?» — вихремъ пронеслась въ его головѣ тревожная мысль.

— «Пустое! Послышалось стало быть, либо деревья отъ вѣтра скрипятъ», — успокоилъ онъ себя.

и снова съ наслажденіемъ прикурнулъ на подушку головою.

Новый стонъ, еще болѣе продолжительный и громкій, прорѣзалъ ночную тишину.

Теперь уже не могло быть никакихъ сомнѣній. Кто-то стоналъ въ саду и совсѣмъ близко, чуть-ли не подъ окнами дома.

Въ одну минуту Орля уже стоялъ посреди комнаты, спѣшно натягивая на себя платье.

Онъ уже былъ у окна, когда таинственное невѣдомое существо снова простонало, но на этотъ разъ очень слабо, чуть слышно.

— Помираетъ, никакъ, кто-то... Пособить бы надо, — проговорилъ самъ себѣ мальчикъ и, быстро распахнувъ окно, высунулся изъ него.

Его зоркіе глаза пронзительнымъ взглядомъ окинули чащу сада.

Въ полутьмѣ сгустившихся сумерекъ что-то бѣлѣло подъ однимъ изъ кустовъ.

— Собака либо человѣкъ. Живая тварь. Все едино, пособлю, чѣмъ могу, — рѣшилъ мальчикъ и, упершись руками въ подоконникъ, однимъ взмахомъ тѣла перенесъ черезъ него ноги и очутился въ саду.

Быстро перебирая босыми ногами, Орля пустился бѣгомъ къ ясно теперь намѣчавшемуся таинственному предмету.

— О-о-о! — пронеслось въ эту минуту новымъ стономъ и замерло въ чащѣ сада.

Что-то слабо зашевелилось подъ кустомъ.

Въ нѣсколько секундъ Орля былъ подлѣ.

Передъ нимъ ничкомъ лежала дѣвочка, босая, полуодѣтая, въ длинной холщевой рубашенкѣ. Уткнувшись лицомъ въ землю и разбросавъ худенькія ручонки, она испускала глухіе протяжные стоны.

— Никакъ помираетъ дѣвчонка! — испуганно шепнулъ Орля и быстро опустился передъ ребенкомъ на колѣни. Его руки приподняли голову дѣвочки. Онъ заглянулъ ей въ лицо, и громкій отчаянный вопль вырвался изъ его груди, оглашая садъ, домъ, всю усадьбу.

— Галька! Галина! Это моя Галька!...

Крикъ Орли, вырвавшійся изъ самаго сердца мальчика, привелъ въ себя стонавшую дѣвочку.

Она широко раскрыла тусклые глаза, напряженно вглядѣлась въ лицо державшаго ее, на своей груди, мальчика, и сознательная свѣтлая улыбка озарила ея худенькое испитое личико.

— Орля! Орля! Братикъ мой милый!... Нашла я тебя! Нашла!... Господи! счастье какое!... Со мною братикъ мой, Орля дорогой, голубчикъ мой!...

Слезы потокомъ хлынули изъ глазъ дѣвочки, худенькія ручонки ея обвили шею брата; все ея исхудалое тѣльце трепетало, дрожало отъ волненія на его рукахъ.

— Галя! Шташечка бѣдная! Какъ ты здѣсь очутилась? — лепеталъ мальчикъ, самъ не замѣчая, какъ крупныя слезы текутъ у него по лицу.

— Скажи, Галька, лапушка, родненькая, какъ ты дошла до меня?

Дѣвочка, едва живая отъ слабости, сдѣлала невѣроятное усиліе надъ собой и заговорила:

— Орленька, голубчикъ мой сизый... когда ты ушелъ, къ ночи прискакалъ злой Яшка, коня привелъ и говоритъ: — «Я привелъ, а Орля хваленый всѣхъ васъ надулъ, видно!...» Тутъ дядя Иванка такъ разсердился... «Обманулъ меня Орля, — говоритъ, — изъ табора удралъ». И сталъ онъ меня бить... Больно-пребольно... Каждый день сталъ бить, видно, тебѣ въ отместку... А у меня и безъ него сердце по тебѣ, братику моему, все изныло... Гдѣ, думаю, Орля мой? И все чудилось, что неладное что-то съ тобою... Невтерпежъ мнѣ стало жить, не знаючи о тебѣ, Орленокъ, и рѣшилась я тебя искать пойти... Убѣжала изъ табора... Въ лѣсу плутала долго... Отъ голоду вся ослабѣла... Ѣсть мало доводилось... Прохожіе подавали, да коренья глодала и ягоды... Ноги у меня разболѣлись... Отощала вся... а все-же дошла... Дорогу сюда запомнила малость... Вотъ и добралась... Думала, разузнаю въ усадьбѣ, гдѣ мой Орля... Можетъ, скажутъ... Анъ, ты и самъ тутъ, голубчикъ...

Дѣвочка не договорила. Широко раскрылись потускнѣвшіе разомъ глазки. Дрогнуло, вытянулось и тяжело повисло на рукахъ Орли ея тщедушное тѣльце.

— Померла! Галька померла! Моя Галька! — новымъ отчаяннымъ крикомъ пронеслось по саду.

Между тѣмъ вся усадьба проснулась. Лаяли собаки, трещала трещетка, бѣгали люди съ фонарями по двору.

Тщедушное тѣльце повисло на рукахъ Орли...

Съ террасы спѣшили обитатели господскаго дома, Валентина Павловна и Ляля, испуганныя до полусмерти, Микъ-Микъ, мальчики, Ами.

— Что такое? Что за крики? Мальчикъ, чего ты кричишь здѣсь? Что за ребенокъ? Она безъ чувствъ? Умерла? Да объясните-же мнѣ, наконецъ, что здѣсь такое происходитъ, — волнуясь, говорила Валентина Павловна.

Тутъ только очнулся Орля. Быстрымъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги, не выпуская Гальку изъ рукъ, и, бросившись къ Валентинѣ Павловнѣ и Лялѣ, стоявшимъ рядомъ, залепеталъ, задыхаясь отъ наплыва чувствъ, волнуясь и спѣша:

— Барыня... золотая... Барышня... дорогая... Не отсылайте меня въ таборъ!... У себя оставьте... У себя оставьте... И меня, и Гальку... Можетъ не померла она... Теплая еще... Чуть дышетъ... Возьмите ее... Вылѣчите, спасите!... Барышня, миленькая, прими мою Гальку... Какъ меня отходила, и ее отходи... А я за это первымъ слугой вамъ буду... Помру за васъ, ежели велите. И про лошадь скажу... Въ таборѣ она... Длинный Яшка привелъ... Я ее увелъ, а онъ сказалъ, будто онъ это сдѣлалъ. Я отъ нужды увелъ... Хозяинъ велѣлъ... Грозилъ Гальку выкинуть... Ну, я и взялся... Прости, барышня добрая... Меня не прощай, бей, мучь, колоти, только Гальку спасите, да не гоните обоихъ насъ отъ себя... Слугой вамъ буду... Собакой вѣрной... Барышня золотая, спаси только Гальку... Спаси! Спаси!... А я услужу вамъ, приведетъ Господь, и коня верну и...

жизнь мою положу за васъ, только оставьте у себя!...

Сбивчиво, нескладно выливалась горячая взволнованная рѣчь мальчика. По смуглымъ щекамъ катились крупныя рѣдкія слезы. Побѣлѣвшія отъ волненія губы выбрасывали рвавшіяся, казалось, изъ самаго сердца, слова.

Всѣ стояли, пораженные, притихшіе.

Неслышно рыдала, прижавшись къ стволу дерева, хроменькая Ляля, потрясенная до глубины души.

Но вотъ Микъ-Микъ подошелъ къ бабушкѣ и тихо шепнулъ ей:

— Ну, не говорилъ-ли я вамъ, что у моего Щелчка далеко не разбойничье сердце? Теперь ясно видно, что помимо воли сдѣлался воромъ мальчуганъ. Оставьте у себя ребятъ этихъ. Чудится мнѣ, что подъ разбойничьей внѣшностью этого мальчугана кроется хорошій и даровитый мальчикъ.

— Бабушка, милая! — неслышно подойдя съ другой стороны къ старушкѣ, произнесъ Кира, — Богъ съ нимъ, съ Ахилломъ... Мнѣ мальчика болѣе жалко и дѣвочку бѣдную... Оставимъ ихъ у насъ.

— Оставимъ, бабушка, — послышался у дерева всхлипывающій голосъ Ляли.

Валентина Павловна взглянула въ лицо безчувственной дѣвочки.

— Какое странное личико! Въ немъ нѣтъ ничего цыганскаго! — произнесла она.

— Галька не цыганка, барыня милая... Галька ваша русская... Ее мать моя въ лѣсу нашла, — живо вырвалось изъ груди Орли, и вдругъ онъ неожиданно повалился помѣщицѣ въ ноги, не выпуская изъ рукъ дѣвочку.

— Спасите Гальку! Возьмите насъ! А я помру за тебя, барыня, и за дѣтей твоихъ! — неожиданно вырвалось изъ груди его потрясающими душу звуками.

И онъ положилъ у ногъ Раевой безчувственную сестренку.

Валентина Павловна нѣсколько минутъ молча смотрѣла то на Орлю, то на лежавшую у ея ногъ дѣвочку.

Въ это время Микъ-Микъ схватилъ со стола на террасѣ стаканъ воды, смочилъ платокъ и, опустившись на землю, сталъ прикладывать мокрый платокъ къ лицу лежавшей безъ чувствъ Гальки. А Кира, не дожидаясь приказанія, побѣжалъ въ комнату и принесъ оттуда какія-то капли.

Галя очнулась, открыла слегка опять глаза, удивленно посмотрѣла кругомъ, точно не понимая гдѣ она и что съ ней, но вслѣдъ затѣмъ опять опустилась на землю безъ чувствъ.

Барыня милая... дорогая... спасите Гальку!—опять раздался голосъ Орли.

— Хорошо, вы останетесь съ нами, и ты и эта дѣвочка — чуть слышно проронила Валентина Павловна,— и я обѣщаю сдѣлать все возможное, чтобы вылѣчить и поставить на ноги дѣвочку.

Едва она успѣла проговорить это, какъ восторженный крикъ огласилъ садъ.

Орля обвилъ руками колѣни Валентины Павловны и замеръ на минуту, смѣясь и плача...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

ЖАРКІЙ, душный іюльскій полдень. Солнце палитъ во-всю.

Въ большой свѣтлой комнатѣ выдвинутъ столъ на середину. На концѣ стола сидитъ Аврора Васильевна и диктуетъ дѣтямъ.

Валентина Павловна просила ее, Микъ-Мика и мосье Диро заниматься по часу въ день съ мальчиками, чтобы дѣти не забыли за лѣтнее время каникулъ то, что проходили въ классахъ зимой.

За компанію съ мальчиками занимается и Симочка. Тутъ же, на концѣ стола, сидятъ Орля и Галя.

Орлю нельзя узнать. За мѣсяцъ, проведенный въ Раевкѣ, мальчикъ круто измѣнился. Начиная съ его имени — его зовутъ теперь Шурой, т.-е. настоящимъ его именемъ, даннымъ ему при крещеніи, а не прежней кличкой,—все въ немъ перемѣнилось къ лучшему.

Постоянное пребываніе среди людей, не имѣющихъ ничего общаго съ грубыми и вороватыми обитателями табора, сдѣлало свое дѣло.

Правда, маленькій дикарь, Щелчокъ, какъ его тихонько между собой называютъ дѣти, не могъ исчезнуть вполнѣ въ лицѣ цыганенка, но онъ уже не былъ тѣмъ безудержнымъ дикимъ волченкомъ, какимъ попалъ въ этотъ домъ.

Въ душѣ мальчика пробудилась невольная благодарность къ людямъ, тепло пріютившимъ у себя въ домѣ его и Галку.

Вотъ она сидитъ, поздоровѣвшая, розовенькая, пополнѣвшая за этотъ мѣсяцъ, сидитъ между нимъ и Алей Голубинымъ, самымъ тихонькимъ изъ мальчугановъ, и старательно выводитъ буквы на аспидной доскѣ.

Пишетъ ихъ и Орля, такъ какъ Валентина Павловна выразила желаніе, чтобы оба они съ Галкой, какъ можно скорѣе, выучились читать и писать.

Къ Валентинѣ Павловнѣ и къ Лялѣ, выходившимъ Галку точно такъ же, какъ онѣ выходили и его, Орлю, у Орли какая-то необыкновенная преданность. Ради «барыни-бабушки» и «барышни Ляли», какъ онъ называетъ обѣихъ, онъ готовъ въ огонь и въ воду.

Любитъ онъ и Счастливчика, потому что изящнаго, маленькаго, какъ игрушка, хрупкаго и добраго сердцемъ мальчика любятъ всѣ: его нельзя не любить.

Любитъ веселаго Микъ-Мика, своего перваго заступника.

Алю же Голубина Орля втайнѣ презираетъ за голубиную кротость и еще за то, что Аля очень подружился съ Галкой за послѣднее время, и Орля боится, что Аля совсѣмъ отниметъ у него сестру.

Но кого онъ положительно не выноситъ, такъ это Аврору Васильевну, няню Степановну, Франца и Ваню съ Ивасемъ.

Первая очень требовательна, придирчива и строга; няня Степановна и Францъ не могутъ никакъ примириться съ тѣмъ, что цыганскіе нищіе ребята сидятъ за однимъ столомъ съ ихъ господами, а они, въ качествѣ прислуги, должны имъ подавать и служить.

— У-у! Чего пялишь цыганскія буркулы, волченокъ? — часто, встрѣтивъ горящіе глаза Орли, ворчитъ няня, — того и гляди наживешь съ тобою бѣдъ.

А Францъ, брезгливо подбирая губы, убираетъ тарелки послѣ Орли и Гали и насмѣшливо шипитъ, неслышно для хозяевъ:

— Вы бы хоть вылизали языками соусъ получше... А то не больно чисто и все же вымыть придется послѣ васъ...

Дѣло объяснялось тѣмъ, что наголодавшіяся въ таборѣ дѣти не оставляли ни кусочка отъ своихъ порцій за столомъ. А куски съ господскаго стола Францъ особенно любилъ доѣдать.

Въ свою очередь Ивась и Ваня дразнили Орлю тихонько отъ другихъ. Впечатлительный, необузданный мальчикъ платилъ имъ, чѣмъ могъ, и не добромъ, конечно.

* * *

— Покажи, Шура, что ты написалъ! Дай твою работу, — внезапно огорошилъ Орлю знакомый рѣз-

кій голосъ Авроры Васильевны, и ея костлявая высокая фигура выросла за его плечами.

Онъ молча протянулъ свою аспидную доску. Тамъ не было ни единой буквы.

— Одна святая чистота! — сострилъ синеглазый Ивась, заглянувъ черезъ плечо Орли.

Орля стоялъ, потупившись.

— Что-жъ это такое? За цѣлый часъ ты не сдѣлалъ ничего. Вѣдь тебѣ сказано было написать буквы всѣ по порядку! — повысивъ голосъ, произнесла Аврора Васильевна.

Угрюмое молчаніе было ей отвѣтомъ.

— Шурѣ жарко, оттого онъ не могъ писать,— вступился за товарища Кира.

— Просто оса ему носъ укусила... И онъ все думалъ, какъ бы ее поймать и казнить,—пошутилъ добродушный Ваня.

— Ха, ха, ха! Оса носъ укусила!—залилась веселымъ смѣхомъ Симочка.—Покажи скорѣе, гдѣ укусила, Щелчокъ.

— Ахъ!

Симочка и сама была не рада, что съ губъ ея сорвалось это слово, отъ котораго Орля приходилъ въ бѣшенство.

Но было уже поздно.

Съ загорѣвшимися глазами цыганенокъ вскочилъ съ мѣста и взмахнулъ рукою.

Трррахъ! Отъ аспидной доски, изо всей силы брошенной на полъ, посыпались осколки.

— О, негодный мальчикъ! Какъ ты смѣлъ? Какъ

ты смѣлъ? — сердито накинулась на него гувернантка.

— Онъ склеитъ, Аврора Васильевна! Онъ склеитъ!—пискнулъ Ивась.

— Нѣтъ, онъ напишетъ на каждомъ осколкѣ по одной буквѣ и, такимъ образомъ, составитъ азбуку!—замѣтилъ Ваня.

Симочка, смущенная за минуту до этого, теперь уже смѣялась снова.

Вдругъ съ конца стола отдѣлилась худенькая бѣлокурая дѣвочка и, волнуясь, заговорила:

— Зачѣмъ вы обижаете Орлю?.. Не надо его обижать! Братикъ, возьми мою работу. Я написала *А*, *Б* и *В*. Пусть они будутъ твои.—И она трогательнымъ движеніемъ протянула ему свою доску.

— Господа! Не дразните Шуру! Я протестую!—кричалъ Счастливчикъ, поднимая свой голосокъ, похожій на колокольчикъ.

— Тише, дѣти! Тише! У меня голова кругомъ идетъ. Я не могу заниматься при такомъ шумѣ,—унимала расходившуюся дѣтвору Аврора Васильевна.

— Не надо ихъ больше мучить при такой погодѣ! Господа, я иду въ лѣсъ! Кто за мной?

Микъ-Микъ широко распахнулъ дверь комнаты, гдѣ занимались дѣти, и предсталъ на ея порогѣ, весь сіяющій веселъемъ, радостью и довольствомъ.

— Я!

— Я!

— И я!

— Всѣ мы! Вы отпускаете, Аврора Васильевна?

— Ахъ! Въ лѣсъ! — невольно сорвалось съ губъ Орли.

Лѣсъ! Нѣтъ, видно никогда ему не отвыкнуть отъ воли. Такъ и тянетъ на просторъ лѣсовъ и полей изъ душныхъ комнатъ усадьбы.

— Нѣтъ, ты не пойдешь!—суровымъ приговоромъ звучитъ надъ головою ненавистный ему голосъ.—Валентина Павловна велѣла подготовить тебя за лѣто къ первому классу городской школы, а дѣло у насъ не подвигается впередъ. Ты почти ничему еще не научился. И потомъ ты провинился: замахнулся на Симочку, разбилъ доску. И ты остаешься дома!—заключила гувернантка.

Лицо Орли внезапно потемнѣло. Красивые глаза потухли.

— Эхъ, прощелкался, видно, Щелчокъ,—шутливо замѣтилъ ему Ивась.

Микъ-Микъ нерѣшительно помялся у дверей.

— Аврора Васильевна, простите на этотъ разъ Шуру,—произнесъ онъ по-французски.

— Нѣтъ! Я же сказала!

— Ухъ!—вздохнулъ Мирскій и скорчилъ комическое лицо.

— Тогда я останусь съ Орлей. Дозвольте, тетенька,—послышался робкій голосокъ Гали, и она, застѣнчиво потупясь, выступила впередъ.

— Этого еще недоставало! Ты пойдешь съ остальными!—сурово остановила дѣвочку гувернантка.—И, пожалуйста, называй меня такъ, какъ другіе. Я не тетенька, а Аврора Васильевна.

— Злюка Сердитовна!—шопотомъ произнесъ Ивась своему другу Симочкѣ.

— Ну, дѣлать нечего, идемъ безъ Шуры,—произнесъ вздохнувъ Мирскій и, быстрыми шагами приблизившись къ мальчику, произнесъ ласково:

— Возьми-ка Галину доску, мой другъ, да напиши скорѣе свой урокъ. А кончишь—насъ догонишь!

— Противъ этого я ничего не имѣю!—отозвалась гувернантка.

— Ну, команда, рысью маршъ! Въ галопъ!

И Микъ-Микъ помчался, какъ рѣзвый мальчикъ, по длинному ряду комнатъ.

За нимъ помчались дѣти.

Аля Голубинъ схватилъ по дорогѣ Галю за руку и увлекъ ее за собою. Дѣвочка, зараженная общимъ потокомъ дѣтскаго веселья, побѣжала впередъ, оглянувшись, однако, сначала на Орлю и крикнувъ ему на прощанье:

— Кончай скорѣе, братикъ, и приходи. Я тебя жду!

ГЛАВА II.

— КАКЪ бы не такъ! Кончу! Ждите! Дурака нашли!

Орля взялъ доску, плюнулъ на нее и съ размаха отшвырнулъ ее обратно на столъ.

Потомъ, убѣдившись, что въ комнатѣ никого нѣтъ и всѣ отошли далеко, онъ на цыпочкахъ вышелъ изъ классной, прошелъ въ общую спальню мальчиковъ и, нагнувшись, полѣзъ подъ одну изъ пяти кроватей, стоявшихъ въ комнатѣ. Въ углу подъ этой кроватью (это была постель его, Орли) находилась небольшая корзина.

Тайна этой корзины была извѣстна ему одному. Два дня тому назадъ, гуляя въ отдаленной части сада, Орля наткнулся на небольшой сѣрый комочекъ, свернувшійся на солнцѣ.

При видѣ страннаго комочка, глаза мальчика вспыхнули радостнымъ огонькомъ. Онъ схватилъ сѣрый комочекъ и, всячески избѣгая попасться кому-либо на глаза, пронесъ его въ спальню и положилъ въ пустую

корзину съ крышкой, сунувъ послѣднюю въ уголъ подъ кровать.

Сейчасъ онъ вытащилъ снова корзину и, съ величайшей осторожностью пріоткрывъ крышку, сунулъ въ нее пальцы.

Въ ту же минуту что-то холодное со свистомъ обвилось вокругъ нихъ.

Орля быстро выдернулъ руку.

Сѣрая змѣйка съ темной головкой обвила нѣсколькими обручами кисть его правой руки. Лѣвой, свободной рукой мальчикъ досталъ изъ кармана пузырекъ съ молокомъ, зубами открылъ пробку и подставилъ бутылочку къ головѣ змѣи.

Послѣдняя не заставила повторить приглашеніе и, просунувъ сплющенную головку въ банку, стала съ жадностью пить молоко.

Это былъ безвредный ужъ, единственная порода змѣй, которыя не жалятся и не приносятъ ни малѣйшаго ущерба людямъ.

Такіе ужи часто встрѣчаются подъ поломъ крестьянскихъ избъ. Они совсѣмъ не ядовиты и почти ручные, вполнѣ сживаются съ людьми, даже пьютъ молоко съ крестьянскими ребятишками, которые умышленно, чтобы привлечь ужей, ставятъ кринку на полъ. Заслышавъ вкусный запахъ, ужи, большіе любители молока, выползаютъ изъ своихъ норъ.

Вотъ такую-то змѣйку и удалось раздобыть Орлѣ.

Пока змѣйка, погрузившись своей сплющенной головкой въ молоко, съ наслажденіемъ предавалась вкусному угощенію, Орля, чуть касаясь пальцами, гла-

дилъ ея граціозно изгибающееся тѣльце и говорилъ уныло:

— Видно, одна у меня и осталась радость — ты, уженька... Никому больше не нуженъ Орля. Вишь, и Галька вѣрно забыла обо мнѣ, убѣжала съ другими, и горя ей мало. Небось, съ Алькой, этимъ воробьемъ ощипаннымъ, дружбу водитъ теперь... Забыла про Орлю, точно и нѣтъ меня въ живыхъ больше... А все вѣдьма эта, Аврорка... Ну, постой же... Отплачу я тебѣ!.. Уженька, другъ ты мой, скажи ты мнѣ на милость, какъ мнѣ ей отплатить?

Но «уженька» даже и головы не повернулъ въ сторону мальчика. Онъ весь ушелъ въ дѣло удовлетворенія своего аппетита и съ тихимъ посвистываніемъ пилъ молоко.

Вдругъ Орля неожиданно подскочилъ на мѣстѣ такъ, что испуганный ужъ выдернулъ голову изъ горлышка бутылки и проворно уползъ мальчику въ рукавъ.

— Ага! Нашелъ!—воскликнулъ Орля.—Знаю, какъ отплатить старой злюкѣ! Будетъ долго помнить! Ха, ха, ха!

И съ неожиданно засверкавшими глазами Орля вприпрыжку выскочилъ изъ спальни, промчался длиннымъ коридоромъ въ гостиную и остановился у крайняго окна.

Здѣсь стоялъ рабочій столикъ и кресло, за которыми все свободное время проводила Аврора Васильевна. Здѣсь же на столѣ стоялъ рабочій ящикъ гувернантки.

Глаза Орли остановились на ящикѣ. Одною рукою онъ поднялъ его крышку, другою опорожнилъ дочиста, выкинувъ безцеремонно за окошко длинную полоску кружевного вязанія и крючокъ.

Затѣмъ запустилъ лѣвую руку въ рукавъ правой, вынулъ оттуда пріютившагося тамъ ужа и, сунувъ его въ ящикъ вмѣсто выброшенной работы, плотно закрылъ его.

— Ладно теперь! Сработано чисто! — произнесъ онъ, сверкнувъ лукавыми глазами и двумя рядами ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ. Затѣмъ, повернувшись на каблукахъ, онъ уже направился было къ выходу, когда внезапный храпъ сразу привлекъ вниманіе мальчика. Онъ живо обернулся.

Въ спокойномъ удобномъ креслѣ, уронивъ на колѣни французскую газету, спалъ сладчайшимъ сномъ, всхрапывая, monsieur Диро.

Въ то время, какъ пріятныя сонныя грезы носились въ головѣ добродушнаго француза, самую голову, ради лѣтней жары коротко остриженную, вѣрнѣе, обритую, голую, какъ ладонь, осаждали мухи. На розовой кожѣ черепа онѣ ползали черными бѣгающими точками, грозя каждую минуту разбудить своимъ несноснымъ жужжаніемъ старика.

— Эге! Это не годится!—произнесъ про себя Орля, внезапно весь преисполняясь чувствомъ жалости къ спящему гувернеру.—Накрыть бы его чѣмъ, что ли?

Живые черные глаза мальчика быстро обѣжали комнату, выискивая, что бы могло ему послужить покрышкой для старой учительской головы.

И вотъ они остановились на прекрасномъ пурпуроваго цвѣта абажурѣ, въ видѣ огромнаго цвѣтка мака, накрывавшаго лампу.

— Ну, вотъ и нашелъ!—весело, шопотомъ произнесъ Орля и, быстрымъ движеніемъ сорвавъ бумажный абажуръ съ лампы, неслышно подкрался съ нимъ къ спящему и со всевозможною осторожностью опустилъ его на голову спящаго Диро.

— Вотъ и ладно! Спи, старичекъ, съ миромъ. Теперь, небось, мухи не больно-то разгуляются на твоей маковкѣ,—произнесъ онъ, очень довольный своей выдумкой, и отошелъ къ другому окну подождать прихода дѣтей.

ГЛАВА III.

— АХЪ, какъ хорошо было въ лѣсу? Что жъ ты не шелъ? Мы тебя ждали!—послышались подъ окнами веселые голоса.

— Кончилъ работу? Да?

— Это я тебѣ набрала! — застѣнчиво протягивая брату въ окошко пучекъ земляники, произнесла Галя.

— А мы тебѣ хлыстъ вырѣзали! Гляди какой!— прибавилъ Счастливчикъ и въ свою очередь просунулъ въ окно гибкую, тщательно обструганную отъ вѣтвей, лозу.

— Дай душенька-Шуренька, я его на твоей спинѣ попробую!—дурачась, присовокупилъ Ивась.

— Принеси твою работу, Шура! Я ее просмотрю. Всѣ буквы написалъ?

И Аврора Васильевна первая появилась на порогѣ гостиной. За нею толпились Микъ-Микъ и дѣти.

— Ахъ, что это такое? Посмотрите!

— Боже мой! Monsieur Диро! Что за странный головной уборъ!—неслось дружнымъ хоромъ съ порога

комнаты. И вдругъ неудержимый взрывъ хохота огласилъ стѣны гостиной.

Дѣйствительно, глядя на спящаго Диро, нельзя было удержаться отъ смѣха. Надъ краснымъ потнымъ лицомъ француза высился огромный бумажный цвѣтокъ пурпуроваго абажура. Лепестки мака спускались, въ видѣ бахромы, на его носъ и уши. Только самый кончикъ носа комически высовывался изъ-подъ одного изъ нихъ, и на этомъ кончикѣ сидѣла, широко воспользовавшаяся предоставленнымъ ей относительнымъ просторомъ, муха

Отъ голосовъ и смѣха французъ проснулся и, спросонковъ, плохо сознавая, что дѣлаетъ, машинально приложилъ руку къ головѣ, приподнялъ свой колпакъ-абажуръ, какъ шляпу, и самымъ галантнымъ образомъ раскланялся передъ дѣтьми.

— Bon jour! Bon jour! Съ добрымъ утромъ, Микъ-Микъ! Ви уже вернуль? — говорилъ онъ съ сонной улыбкой хорошо выспавшагося человѣка.

— Ахъ, monsieur Диро! Что это у васъ за шляпа?— почти въ ужасѣ прошептала Аврора Васильевна, единственная не смѣявшаяся изъ всѣхъ.

Французъ, недоумѣвая, посмотрѣлъ на то, что держалъ въ правой рукѣ, и въ тотъ же мигъ, вспыхнувъ багровымъ румянцемъ, сердито закричалъ, далеко отшвырнувъ отъ себя злополучный абажуръ:

— Фуй! Какой маленькій негодникъ подшутиловалъ такъ глупи надъ старикашка Диро?!

— Это Шура! Онъ одинъ оставался дома!—вставила, не безъ ехидства, свое слово Аврора Васильевна.

— О!—воскликнулъ monsieur Диро, шагнулъ по направленію къ Орлѣ и, схвативъ его за плечи, потрясъ, уставившись строгими глазами ему въ лицо.

— Это ти? Говори сей минутикъ, ти наплютоваль?

— Ничего не плутовалъ!—грубо вырываясь, процѣдилъ сквозь зубы Орля. — Васъ же, жалѣючи, накрылъ! Ишь, голова-то у васъ, ровно колѣно, и мухи опять же по ней...

— О... ты все навируешь... — произнесъ въ сердцахъ monsieur Диро и слегка дернулъ за ухо Орлю.— И никто тебѣ не повѣриль... ти маленькій негодникъ.

— Орля правду говоритъ, не обижайте Орлю!— раздался тихій, трепетный Галинъ голосъ.

— Дѣйствительно, правду, — подтвердилъ Микъ-Микъ.

— Слуга покорный, я умываю руки, если Михаилъ Михайловичъ заступается за этого негоднаго мальчишку!—недовольнымъ тономъ произнесла Аврора Васильевна, съ обиженнымъ видомъ отошла къ столу и заняла свое обычное мѣсто въ креслѣ.

— Ну, а скажи, пожалуйста, ты кончилъ заданную работу? — нахмуривъ брови, строгимъ голосомъ обратилась Аврора Васильевна къ Орлѣ, въ то же время открывая свой рабочій ящикъ.

Но Орлѣ не суждено было отвѣтить.

Что-то со свистомъ выскочило изъ ящика и поползло по столу.

— Змѣя!—неистовымъ воплемъ вырвалось изъ груди гувернантки, и она съ воплемъ: — дурно, мнѣ дурно!

Змѣя! Змѣя! — откинулась блѣдная, какъ смерть, на спинку кресла.

— Змѣя! Змѣя!—кричали дѣти, въ испугѣ отступая въ дальній уголъ комнаты.

Микъ-Микъ въ сопровожденіи Вани кинулся къ столу.

— Да это—ужъ! Не бойтесь! Безвредный ужъ. Откуда онъ взялся? — послышались черезъ минуту ихъ ободряющіе голоса.

— Води... сюда капель... мадмуазель Авроръ упаль въ нечувствованіи!—волновался Диро, хлопоча подлѣ испуганной гувернантки.

Изъ внутреннихъ комнатъ бѣжали Францъ, няня, за ними спѣшили Валентина Павловна и Ляля.

— Что случилось? Ахъ, змѣя! Гадюка! Убейте ее, убейте!—не своимъ голосомъ вскричала бабушка.— Эта змѣя всѣхъ дѣтей пережалитъ. Охъ, какой ужасъ! Кира, отойди! Отойди, Счастливчикъ! Тебѣ говорятъ, отойди!

— Господи! Батюшки! Іисусе Христе! И подумать только, откуда взялась эта нечисть!—причитала няня, благоразумно пятясь къ дверямъ.

— Да успокойтесь же! Успокойтесь! Это ужъ, а не змѣя! У нея нѣтъ жала, нѣтъ яда! — подбѣгая къ каждому отдѣльно, кричалъ имъ всѣмъ въ уши Микъ-Микъ.

Но его никто не слушалъ. Не хотѣли слушать. Всѣ бѣгали, волновались.

— Францъ,—кричала бабушка, — возьми палку и убей эту мерзость!

— Сорокъ грѣховъ тебѣ за это отпустится, мой батюшка,—вторила ей няня.

— Да поймите же, это не змѣя, а ужъ! надрывался Микъ-Микъ.

И вотъ, въ самый разгаръ суматохи, въ то время, какъ Микъ-Микъ, monsieur Диро и Валентина Павловна возились подлѣ все еще стонавшей Авроры Васильевны, а Францъ и дѣти, окруживъ на почтительномъ разстояніи коверъ съ извивающейся на немъ змѣйкой, не знали, что предпринять, Орля вынырнулъ изъ ихъ толпы и, бросившись къ ужу, схватилъ его рукой.

Затѣмъ также быстро онъ промчался въ садъ, въ самый дальній уголъ его.

— Ну, уженька, гуляй на свободѣ, — проговорилъ онъ, выпуская изъ рукъ змѣйку,—держать тебя дома больше нельзя. Доищутся, тогда и пиши, братъ, пропало! Утекай, братецъ ты мой, откуда пришелъ.

И онъ тихо свистнулъ, подражая свисту ужа.

Послѣдній поднялъ головку, оглядѣлся и быстро заскользилъ въ высокой густой травѣ...

ГЛАВА IV.

— КТО посадилъ въ мою рабочую корзинку эту гадость?

Голосъ Авроры Васильевны звучитъ особенно суровыми нотками. На головѣ ея компрессъ. Подъ носомъ она держитъ пузырекъ со спиртомъ. Она едва пришла въ себя отъ испуга. До сихъ поръ, отъ времени до времени, дрожь пробѣгаетъ у нея по тѣлу при одномъ воспоминаніи о змѣѣ.

Дѣти стоятъ молча передъ нею, испуганныя ея блѣднымъ лицомъ съ заострившимися чертами.

Всѣ молчатъ. Молчитъ и Орля, угрюмо уставясь въ землю.

— «Нѣтъ, дудки, шалишь,—думаетъ онъ,—не признаюсь ни за что. Чего добраго, велитъ запереть въ комнату. А, главное, Галькѣ запретитъ играть со мною. Лучше ужъ молчать».

— Напрасно виновный не сознается,—снова, послѣ минутной паузы, повышаетъ голосъ Аврора Васильевна. — Это сдѣлалъ Шура. Никому другому въ

Орля бросился къ ужу...

голову не придетъ такъ безсердечно поступить со мною,—неожиданно заключила она, переводя гнѣвные глаза на цыганенка.

— «Вотъ оно! Начинается! Докопалась-таки эта злючка»!—тоскливо пронеслось въ мысляхъ Орли, и онъ еще угрюмѣе уставился въ землю.

— Шура будетъ за это строго наказанъ!—сдѣлала неожиданный выводъ гувернантка, обдавая Орлю пронзительнымъ взглядомъ своихъ строгихъ карающихъ глазъ.

Маленькая фигурка Счастливчика протискивается впередъ.

— Это сдѣлалъ я!—слышится его смущенный голосъ, въ то время какъ всѣ устремляютъ на него изумленные глаза. — Ради Бога, простите меня, Аврора Васильевна! — подхватываетъ онъ, не давъ произнести никому ни слова,—но я не нарочно... Я думалъ, что вы сразу поймете, какая это змѣя... не ядовитая... безвредная... и, шутки ради, посадилъ ужа къ вамъ въ корзинку. И и...

Счастливчикъ совсѣмъ не умѣетъ лгать. Онъ путается, краснѣетъ и замолкаетъ.

— Возможно ли? Нѣтъ! Вы не могли этого сдѣлать, Кира,—говоритъ съ отчаяніемъ въ голосѣ Аврора Васильевна,—вы, нашъ Счастливчикъ, наша общая радость и утѣшеніе, вы не могли поступить такъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Этому я не повѣрю никогда! Не повѣрю никогда!

Глаза Авроры Васильевны наполнились слезами. Она такъ любила Киру, такъ надѣялась на него,—и вдругъ онъ поступаетъ не лучше какого-то дикаго цыганенка!

— Не вѣрю! Не вѣрю! — стонетъ она и крутитъ головою.

Такъ вотъ же ваша работа. Теперь вы повѣрите... и простите меня...

Съ отчаяніемъ въ лицѣ, въ своихъ темныхъ глазахъ-коринкахъ, Счастливчикъ запускаетъ руку въ карманъ и вытаскиваетъ оттуда работу: злополучный клубокъ нитокъ, полоску кружева и вязальный крючокъ, которые онъ подобралъ въ саду случайно по дорогѣ изъ лѣса.

Послѣднее и самое вѣское доказательство Киры налицо. Аврора Васильевна подавлена, молчитъ съ минуту, потомъ неожиданно кричитъ:

— Валентина Павловна!.. Лялечка!.. пожалуйте сюда!.. Послушайте только, что выкинулъ нашъ любимчикъ!

Старушка Раева и хроменькая Ляля поспѣшили на ея зовъ.

— Что такое? Что?

Аврора Васильевна съ тѣмъ же дрожащимъ отъ обиды голосомъ разсказала, въ чемъ дѣло.

— Кира! Кирушка! Возможно ли? О, какъ это ужасно!—восклицаютъ въ одинъ голосъ и старая бабушка, и хроменькая внучка.

Да, это невозможно.

И Счастливчикъ, понявъ всю тяжесть возложенной имъ на себя чужой вины, прильнулъ къ груди бабушки и залился слезами.

* * *

— Кирушку и Шуру барышня къ себѣ проситъ,— заглядывая въ спальню мальчиковъ, торжественно провозгласила няня.

Въ это время Ивась только что успѣлъ запустить подушкой въ Ваню Курнышова, который, въ свою очередь, схвативъ съ окна лейку съ водою, предоставилъ своему маленькому товарищу возможность познакомиться съ холоднымъ душемъ.

— Безстыдники! Угомону на васъ нѣту,—негодовала няня,—ни ночью, ни днемъ!

— Холодные души рекомендуется принимать во всякое время сутокъ, — дѣловымъ тономъ замѣтилъ Ваня, въ то время, какъ мокрый, какъ утенокъ, Ивась отряхивался отъ воды, неистово хохоталъ и кричалъ:

— Ну, постой же ты у меня!.. Я тебѣ такого гусара въ носъ запущу! Усни только!

Когда Счастливчикъ въ сопровожденіи Орли вошелъ въ комнату Ляли, та сидѣла надъ книгой у стола.

Въ ея небольшомъ уголкѣ было тихо, тепло и уютно. У кіота съ образами горѣли лампады, и ихъ мерцающіе огоньки освѣщали суровыя лица святыхъ на иконахъ... И лицо Того, Кто смотрѣлъ изъ-подъ терноваго вѣнца печальными кроткими очами, говорило безъ словъ о всепрощеніи и любви.

Ляля опустила книгу на колѣни и смотрѣла на входившихъ къ ней мальчиковъ.

— Кира!—произнесла она, лишь только маленькій братъ приблизился къ ней, — я все знаю. Это не ты положилъ змѣю въ корзинку Авроры Васильевны, а Шура...

— Шура! — обратилась она къ мальчику, въ то время, какъ вспыхнувшій до корней волосъ Кира опустилъ свои правдивые глаза, — зачѣмъ ты не сознался?

Орля сурово сдвинулъ брови и потупился.

— Она—злая! Она бы заѣла меня! И Галькѣ бы опять со мной якшаться запретила,—угрюмо пробурчалъ тотъ.

А если бы Киру наказали, что бы тогда сдѣлалъ ты?

Черные глаза Орли вспыхнули ярко.

— Тогда бы я пошелъ и сказалъ, что это я.

И такъ какъ Ляля все еще смотрѣла на него своими кроткими глазами, онъ прибавилъ, заливаясь румянцемъ по самую шею:

— Или ты не вѣришь, барышня Ляля, что сказалъ бы?

— Рука калѣки-дѣвочки легла на плечо Орли.

— Нѣтъ, вѣрю,—проговорила она просто.—Но мнѣ мало этого. Я бы хотѣла, чтобы ты чѣмъ-нибудь добрымъ и хорошимъ отплатилъ Кирѣ за перенесенную имъ ради тебя непріятность.

— Я?—глаза Орли зажглись новыми бойкими огоньками.—Да я за него, кажись... Кирушка, хочешь я тебѣ живьемъ бѣлку изъ лѣса раздобуду? А не то лисенятъ приволоку. Я ихъ норы искать умѣю. Хочешь?

— Нѣтъ... Не того отъ тебя надо, Шура,—остановила расходившагося мальчика Ляля,—обѣщай здѣсь, что ты для удовольствія Киры и моего начнешь хорошо учиться, прилежно заниматься, не грубить Ав-

рорѣ Васильевнѣ... Слушаться ея... Забыть свои рѣзкія замашки... Обѣщаешь?

— Да нешто надо это Кирѣ?—усомнился Орля.

— И мнѣ, и Кирѣ, и всѣмъ намъ. Не правда ли, Кира?—обратилась снова Ляля съ вопросомъ къ брату.

Тотъ протянулъ свою крошечную ручку маленькаго человѣчка Орлѣ.

— Да, Орля, ты долженъ исправиться,—сказалъ Кира, — вѣдь, я хочу тебя видѣть хорошимъ, всѣми любимымъ, добрымъ человѣкомъ!

Странно прозвучали слова эти въ душѣ Орли. Его любятъ. Его, всѣмъ чужого, далекаго всѣмъ, кромѣ Гальки... У него есть друзья, есть люди, которые ему хотятъ добра, которые его любятъ...

Въ суровомъ одинокомъ сердечкѣ закипало что-то... Свѣтлый проблескъ счастья зародился гдѣ-то глубоко на днѣ его...

Орля взглянулъ на сестру и брата, и свѣтлая улыбка озарила его лицо.

— Ладно! — проговорилъ онъ, — постараюсь... А только, чтобы она, эта злюка, гувернантка, ко мнѣ зря не приставала...

И умышленно громко, чтобы подавить свое волненіе, стуча сапогами, онъ вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА V.

— ГОСПОДИ помилуй! Не узнать басурмана нашего! Тише воды — ниже травы,—говорила поутру няня Степановна, потягивая съ блюдечка на кухнѣ горячій чай вприкуску.

— Ужъ и подлинно уходился мальченокъ, по всему видать,—вставилъ свое слово Францъ.

— Помилуйте, нынче приходитъ утромъ, ни свѣтъ—ни заря. Дай, говоритъ, бабка, я тебѣ пособлю домъ убирать къ барышнину празднику, полъ помою и все прочее. Ну, я это ему въ руки ведро, мыло, мочалку. Пущай поработаетъ. Не баринъ. Потрудится для благодѣтелей своихъ.

— Извѣстно, потрудиться не худо. И то сказать, къ барышнину рожденію. Она у насъ—ангелъ кроткій, печется о всѣхъ, такъ на нее не грѣшно и поработать за это,—вставила свое слово толстая кухарка, угощавшаяся совмѣстно съ няней и Францемъ—чаемъ.

Въ это время тотъ, о комъ шла рѣчь, съ ведромъ въ рукахъ, съ мочалкой и мыломъ подъ мышкой, съ

засученными по локоть рукавами, стоялъ посреди гостиной, недоумѣвая, съ чего ему начать.

Всѣ стѣны комнаты, несмотря на лѣтнее время, были увѣшаны картинами безъ чехловъ, въ золоченыхъ рамахъ.

Орля зналъ, что чехлы сняли ради приближающагося праздника. Зналъ, что ко дню Лялина рожденія съѣдется много гостей, дѣтей и подростковъ изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ усадебъ и имѣній. Зналъ, что Ляля упросила бабушку сдѣлать дѣтскій вечеръ съ танцами для брата, Симочки и ихъ друзей.

Лялю Орля любилъ беззавѣтно. Она сама занималась съ нимъ теперь, избавивъ его, такимъ образомъ, отъ уроковъ сварливой и строгой гувернантки. И вотъ, ради нея онъ готовъ, Богъ вѣсть, на какой трудъ пойти, лишь бы угодить милой барышнѣ Лялѣ.

Сейчасъ онъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ посреди гостиной.

— Окна, двери, сначала... полъ... А потомъ всю эту безтолочь хорошенько отмыть надо... Небось, мухами позасижено вдоволь,—рѣшаетъ онъ и, внезапно одушевившись, принимается за уборку и мытье.

Еще рано. Всего семь часовъ. Раньше девяти никто не встаетъ въ этомъ домѣ. О, онъ успѣетъ, конечно, успѣетъ покончить со всѣмъ этимъ. То-то неожиданность будетъ для всѣхъ!

Въ какія-нибудь три четверти часа Орля поканчиваетъ съ поломъ, окнами и дверью, ставитъ на мѣсто отставленную мебель и, тщательно намыливъ мочалку мыломъ съ водою изъ грязнаго ведра, лѣзетъ съ ногами

на шелковый диванъ, затѣмъ ожесточенно принимается тереть грязной мочалкой одну изъ картинъ, съ изображеніемъ усадьбы.

Но что это? Чѣмъ больше третъ онъ, тѣмъ грязнѣе дѣлается картина. Часть водяныхъ красокъ остается на мочалкѣ, часть расползается по всему фону. Теперь уже на картинѣ не видъ усадьбы, какъ будто, а цѣлое разливное море—къ довершенію всего—черное море.

Орля пораженъ. Но разсуждать ему времени мало; онъ изо всей силы принялся уничтожать грязные потоки на картинѣ, отчего послѣдніе слѣды деревьевъ, крыши дома, кустовъ и скамейки остались на мочалкѣ.

Послѣ этого Орля перешелъ ко второй акварели—портрету какого-то почтеннаго старика.

На бородѣ и усахъ этого старика чернѣли некрасивыя пятна отъ мухъ, и на эти-то пятна обратилъ особенное вниманіе Орля.

Онъ обмакнулъ свою грязную мочалку въ не менѣе грязную воду и, поднеся ее къ портрету, сталъ старательно тереть его до тѣхъ поръ, пока отъ почтеннаго старичка на полотнѣ картины остался лишь одинъ носъ и половина щеки...

— Стерлось маленько, зато чисто. Ишь ты—ровно зеркало!—очень довольный собою, проговорилъ Орля, полюбовавшись на свою работу.

Еще нѣсколько картинъ, къ несчастію, написанныхъ водяными красками, имѣющими способность растворяться въ водѣ, привлекаютъ вниманіе Орли, и всѣ

онѣ такъ же «вычищены», какъ первыя. Затѣмъ Орля направляется къ лежащимъ на столѣ альбомамъ.

Взмахъ мочалки... Еще одинъ и еще... И изящныя вещицы изъ кожи съ плюшевой и атласной отдѣлкой превращены въ грязное тряпье.

Вода льется съ нихъ по бархатной салфеткѣ мутными ручьями на коверъ, оставляя на немъ грязныя пятна...

Не смущаясь, однако, Орля тащитъ на коверъ ведро съ грязной водой. По дорогѣ онъ зацѣпляетъ ногою кресло и летитъ вмѣстѣ съ ведромъ на гладкій блестящій полъ.

Мутный потокъ въ ту же минуту, съ головы до ногъ, окачиваетъ его, но мальчикъ чувствуетъ себя въ грязной лужѣ такъ же, какъ утенокъ въ пруду.

Дѣло сдѣлано. Онъ все-таки сдѣлалъ уборку.

— Ахъ, разбойникъ! Ахъ, убивецъ ты мой! Ахъ, батюшки-свѣты, умираю! Спасите! Помогите! Умираю! Моченьки моей нѣтъ!—и няня, случайно заглянувшая въ комнату, исполненная тихаго ужаса, останавливается, какъ вкопанная у порога, съ широко раскрытыми глазами.

На ея крики сбѣгается весь домъ.

— Нянѣ дурно! Съ няней припадокъ'—слышатся испуганные разспросы.

У всѣхъ блѣдныя разстроенныя лица, широко раскрытые глаза. Всѣ смотрятъ, преисполненные тревоги, то на няню, въ отчаяніи раскачивающуюся у порога съ такимъ видомъ, точно у нея болятъ зубы или животъ (такое у нея страдальческое лицо въ эти минуты!),

то на Орлю, остановившагося передъ разлитымъ ведромъ съ растерянным и глупымъ видомъ.

И вдругъ чей-то веселый голосъ крикнулъ на всю комнату:

— Носъ! Посмотрите-ка, носъ!

Чья-то рука показала на картину, и все стало сразу понятнымъ и яснымъ.

— Носъ! Носъ дяди Пети! А гдѣ же брови, глаза, губы и его великолѣпные усы? — кричалъ Счастливчикъ, широко раскрывая свои глаза-коринки.

— Они тамъ! — патетически воскликнулъ Микъ-Микъ, указывая на ведро,—они въ ведрѣ!

— И деревья въ ведеркѣ, и крыша дома, и садъ съ другой картины! Ахъ! все, все!

— Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха, ха!

Взрывъ хохота огласилъ залу. Какъ ни жаль было порчи хорошихъ вещей, но трудно было не смѣяться.

И всѣ смѣялись—и бабушка Валентина Павловна, и суровая Аврора Васильевна, и блѣдненькая Ляля, и четыре мальчика, и веселая Симочка, и насмѣшникъ Микъ-Микъ.

Одна Галя смотрѣла испуганно на своего брата, и маленькое сердечко дѣвочки било тревогу.

Она боялась за участь Орли. Она поняла, что все это опустошеніе, вольно или невольно, произвелъ ея названный братъ.

Да еще няня Степановна не могла придти въ себя. Она все еще раскачивалась изъ стороны въ сторону

Няня останавливается въ ужасѣ у порога...

и не то жаловалась, не то сокрушалась, громко изливая свое горе:

— Убивецъ ты мой! Душегубъ ты мой! Погубилъ ты меня ни за грошъ! Экую уйму добра напортилъ!

— Успокойтесь, няня,—неистово хохоталъ Микъ-Микъ.

— «Успокойтесь!» «Успокойтесь!»—передразнивала его старушка, окончательно выйдя изъ себя.—Успокоишься тутъ, когда все перепорчено!..

Въ это время мокрая жалкая фигура со стекающими съ нея мутными потоками воды приблизилась къ Валентинѣ Павловнѣ.

— Барыня-бабушка!—произнесъ Орля, волнуясь,—ты ужъ меня того... прости—не нарочно я, почистить малость ладилъ, а онѣ... што-бъ ихъ, разошлись и слиняли, ровно и не было ихъ...

И онъ такъ комично развелъ руками, до того потѣшна была его мокрая фигурка, что нельзя было удержаться отъ новаго взрыва смѣха, глядя на него.

Первая успокоилась Валентина Павловна.

— Не бойся, мой мальчикъ, никто за это не накажетъ тебя,—проговорила она, положивъ руку на изсиня-черную голову.

И, повинуясь внезапному порыву, Орля схватилъ бабушкину руку безсознательнымъ жестомъ и поднесъ къ губамъ.

Это была первая потребность проявить при людяхъ свою благодарность, зародившаяся въ безпокойномъ сердцѣ маленькаго цыганенка.

И хохотъ смолкъ, какъ по командѣ; всѣ встали.

Глаза бабушки съ мягкимъ ласковымъ блескомъ остановились на чумазой рожицѣ маленькаго дикаря.

ГЛАВА VI.

ЧУДНЫЙ теплый августовскій вечеръ.

Широко раскрыты окна Раевскаго дома. Ярко освѣщенныя комнаты сплошь увиты гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. Это мальчики съ Микъ-Микомъ встали до восхода солнца и украсили домъ въ честь Ляли.

Сама новорожденная въ новомъ платьѣ, съ перевитой лентой въ длинной темной косѣ, ходитъ на своихъ костыляхъ по комнатамъ и отдаетъ послѣднія распоряженія.

Въ восемь часовъ начнутъ съѣзжаться гости, а надо еще такъ много сдѣлать до нихъ.

Няня Степановна суетится у стола, приготовляя чай. Сколько тутъ разныхъ вкусныхъ вещей! Вазочки и тарелки наполнены фруктами, конфетами, всевозможнымъ печеньемъ и вареньемъ.

Въ саду развѣщены фонарики для иллюминаціи. Очищено мѣсто для фейерверка и бенгальскихъ огней. На большой лужайкѣ передъ домомъ разло-

женъ огромный костеръ. Дальше нѣсколько костровъ поменьше. Это для кучеровъ, которые привезутъ помѣщичьихъ дѣтей на Лялинъ вечеръ, на случай, если ночь будетъ холодна. Имъ поставили невдалекѣ и столъ съ угощеніемъ: съ окорокомъ, ветчиною, пирогами и пивомъ.

Валентина Павловна очень гостепріимная и заботливая хозяйка. Она печется обо всѣхъ.

Мальчики—Кира, Ивась, Вася и Аля—давно одѣты въ одинаковыя бѣлыя коломянковыя блузы.

У единственнаго изъ нихъ—Киры только имѣется великолѣпный новенькій форменный мундирчикъ съ серебрянымъ шитьемъ и блестящими пуговицами; у другихъ его нѣтъ. Мундиръ стоитъ дорого, и бѣдные люди не могутъ сдѣлать его своимъ дѣтямъ.

Этого довольно, чтобы Счастливчикъ отказался нарядиться въ мундиръ и остался, какъ всѣ, въ коломянковой блузѣ.

— Господа, а гдѣ же Шура?—неожиданно спросилъ кто-то у присутствующихъ.

— Надо Галю спросить! Вонъ она бѣжитъ сюда. Галя, Галя! Гдѣ твой братъ?

Маленькая Галя сегодня вся преобразилась. Въ нарядномъ свѣтломъ платьицѣ, съ тщательно расчесанными по плечамъ, вьющимися волосами, убранными старательными руками Ляли, она кажется очень хорошенькой. Восемь лѣтъ таборной жизни среди грязныхъ и грубыхъ цыганъ въ нищетѣ и впроголодь, среди побоевъ и брани, совсѣмъ не оставили на ней слѣдовъ.

— Вы спрашиваете, гдѣ Орля?

Галя, единственная изо всѣхъ въ домѣ, не можетъ пріучиться называть брата непривычнымъ ей именемъ Шуры.

— Я не видѣла его!—прибавляетъ Галя.

— Шура! Шура! Гдѣ ты?—несутся черезъ нѣсколько минутъ призывные крики по всему дому.

Орля отлично слышитъ ихъ, но не откликается.

Всѣ эти праздничныя приготовленія, бальное настроеніе, суета и нарядные костюмы не по немъ. Онъ заранѣе смущается пріѣзда гостей, чужого народа, танцевъ и музыки, которые начнутся черезъ полчаса.

Онъ присѣлъ подъ окномъ въ кустахъ сирени, не обращая вниманія на то, что пачкаетъ въ сырой росистой травѣ свой новенькій костюмъ, бѣлые коломянковые штаны и блузу.

Еще за мѣсяцъ до бала, его и Галю учили танцовать. Monsieur Диро садился за рояль, Микъ-Микъ показывалъ «па», и они должны были кружиться по гладкому, скользкому паркету зала. И странное дѣло: въ то время, какъ Галя легко и свободно, съ врожденной ей граціей продѣлывала эти па, точно всю свою жизнь училась танцамъ, онъ, Орля, не умѣлъ ступить ни шагу подъ музыку.

Сейчасъ Орля злился на весь міръ безотчетной злобой и даже, чуть ли не впервые въ жизни, злился и на Галю.

— И чего радуется! Чего сіяетъ! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, выглядывая изъ своего убѣжища.— Вырядилась чучеломъ и воображаетъ, что барышня тоже... Подумаешь, какъ хорошо... И все съ Алькой

этимъ ледащимъ дружитъ... Ровно онъ ей братъ, а не я... Ишь, вонъ опять закружилась съ нимъ волчкомъ по залѣ...

Орля вылѣзъ на половину изъ своего убѣжища и впился глазами въ окно.

Дѣйствительно, Аля Голубинъ кружился съ Галей, повторяя съ нею па вальса передъ баломъ.

— Галька! — внѣ себя крикнулъ Орля, — поди-ка сюда!

Услыша голосъ любимаго брата, дѣвочка проворно оставила своего маленькаго кавалера и побѣжала къ окну.

— Ты здѣсь, Орля? Почему ты не идешь къ намъ?

— Очень я тебѣ нуженъ! — зашепталъ мальчикъ, вылѣзая изъ своей засады и подходя къ окну.—Ишь ты, какъ обарилась съ ними! Эхъ Галька, не узнать тебя! Такая ли ты была? Ты меня, брата своего, разлюбила?

И Орля взялъ за руку сестренку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Орля, я все такая же и люблю тебя, братикъ милый, больше всѣхъ въ мірѣ! А только и сама не знаю, почему-то мнѣ кажется порою, что все жила я въ господскомъ домѣ, всегда прыгала и танцовала въ нарядныхъ комнатахъ, всегда хорошо одѣвалась и вкусно кушала на хорошей посудѣ... Оттого я такъ хорошо, свободно чувствую себя здѣсь...

— И все-то ты врешь! — рѣзко оборвалъ сестру мальчикъ, — жила ты въ таборѣ и черствый хлѣбъ глодала.

— А раньше, Орля, а раньше?..

Синіе глаза Гальки широко раскрылись. Она точно силилась припомнить что-то и не могла.

— Гости ѣдутъ! Гости ѣдутъ!—послышались веселые голоса изъ оконъ гостиной.

— Галя! Галя! Иди скорѣе! Мы сейчасъ представимъ тебя нашимъ гостямъ.

И весело улыбаясь, Кира подбѣжалъ къ окну, схватилъ за руку дѣвочку и увлекъ ее за собою.

Орля однимъ прыжкомъ отпрянулъ отъ окна въ кусты и притаился тамъ, не спуская, однако, глазъ съ освѣщенныхъ оконъ залы. Его мятежное сердечко снова забило тревогу. Онъ, казалось, совсѣмъ забылъ данное Лялѣ обѣщаніе.

— И Гальку-то отняли! И Гальку!—шепталъ онъ, и кулаки его сжимались, а черные глазенки разгорались снова недобрымъ огнемъ.

ГЛАВА VII.

— ВОТЪ и мы, Валентина Павловна. Мы пріѣхали съ папой. Поздравляемъ васъ и Лялечку. Мама съ тетей Натали будетъ черезъ часъ. У насъ новая тетя гоститъ. Вы ея не знаете. Ахъ, она такая прелесть! Только грустная, печальная, а ужъ добрая, какъ ангелъ. Говорятъ, у нея горе большое было въ жизни. Она не родная наша тетя, а мамочкина подруга по институту, а ужъ красавица такая. Дуся! Прелесть! Вотъ увидите.

Все это бойко тараторила Сонечка Сливинская— нарядно одѣтая институточка, входя въ гостиную Раевыхъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, полковникомъ въ отставкѣ, младшей сестрой Катей и братьями, пажомъ Волей и лицеистикомъ Анатолемъ.

Валентина Павловна, Ляля, Аврора Васильевна, Микъ-Микъ, monsieur Диро и дѣти встрѣчали гостей на порогѣ зала.

Смѣхъ, шутки, поцѣлуи, привѣтствія такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

За Сливинскими пріѣхали Картаевы: очень важная по виду мамаша и двѣ дочки-двойняшки, Мимочка и Ниночка, одиннадцатилѣтнія дѣвочки, корчившія изъ себя взрослыхъ.

Затѣмъ — купчиха Таливѣрова со своими шестью дочерьми и четырьмя сыновьями-реалистами.

Еще пріѣхала Зоренька Тимьева—подруга Ляли,—нарядная пятнадцатилѣтняя барышня-подростокъ, жившая по сосѣдству съ Раевыми. Пріѣхала она съ братомъ, гимназистикомъ Валеромъ.

Пріѣхала, кромѣ того, бѣдная помѣщица Гарина со своими четырьмя дѣтьми—старшей дѣвочкой Сашутой и малышами-сыновьями, и еще нѣсколько человѣкъ гостей.

Купчиха Таливѣрова, необычайно большая женщина съ грубымъ голосомъ и очень добрымъ сердцемъ, лишь только вошла, какъ забасила на всю залу:

— Ну, а цыганятъ вашихъ вы намъ покажете, Валентина Павловна!

— Вотъ одинъ экземпляръ, позвольте представить вашему благосклонному вниманію!—выдвигая впередъ смущенную Галю, произнесъ Микъ-Микъ.

— Батюшка, да она совсѣмъ, какъ мы, русскіе!—забасила Таливѣрова,—а цыгане-то больше чумазые, прости Господи, на тѣхъ похожи, кого и назвать страшно.

— Именно страшно!—подхватилъ Микъ-Микъ,—но сія благонравная дѣвица нами всѣми любима за свою кротость. — И онъ погладилъ по головкѣ смущенную Галю.—Къ тому же она пріемышъ цыганскій, а не

цыганка вовсе, такая же цыганка, какъ и мы съ вами,—прибавилъ Микъ-Микъ.

— А ея братъ гдѣ же? Мы столько слышали о немъ,—интересовались юные гости.

— Онъ пошелъ искать луну,—сострилъ Ивась

— Зато оставилъ здѣсь слѣды своего пребыванія.

И Ваня Курнышевъ торжественно указалъ рукою на висѣвшіе вдоль стѣны картины и портреты со смытыми рисунками.

— Ха, ха, ха!—засмѣялась молодежь,—мы знаемъ эту исторію.

— Дѣти! Дѣти! Чаю не угодно ли, фруктовъ и конфетъ? Господа взрослые, пожалуйста!—приглашала всѣхъ Валентина Павловна къ столу.

— Воображаю эту таборную цыганку! — шепнула Мимочка на ушко сестрицѣ,—какъ она танцуетъ!

Ниночка презрительно пожала плечиками.

— И ѣсть вѣрно не умѣетъ, какъ слѣдуетъ!

Веселая Сонечка подбѣжала къ Лялѣ.

— Узнаю твою золотую душу! — затрещала она, покрывая лицо хромой дѣвочки безчисленными поцѣлуями,—вся ты живешь для другихъ. Сама не можешь веселиться на балу, такъ другимъ предоставляешь возможность поплясать и попрыгать.

— Ляля, наша единственная въ мірѣ Ляля!—подтвердилъ Счастливчикъ съ такимъ видомъ и важностью, что всѣ не выдержали и разсмѣялись.

Лишь только дѣти и подростки успѣли напиться чаю и на славу угоститься сладкимъ и фруктами,—тихіе и мелодичные звуки вальса послышались изъ гостиной.

— Танцовать! Танцовать! Ахъ, какъ весело! Идемте. Идемте скорѣе!—выскакивая изъ-за стола и бросаясь въ гостиную, кричала молодежь.

Столовая опустѣла. Тамъ осталась одна Галя. Проворнымъ движеніемъ дѣвочка взяла со своей тарелки положенныя ей туда Лялей грушу, яблоко и конфеты, къ которымъ она не прикоснулась за чаемъ, и сунула ихъ въ карманъ.

— Это для Орли. Онъ, бѣдненькій, не пришелъ къ столу!—шепнула она съ доброй, ласковой улыбкой и поспѣшила въ залу.

* * *

Чудные, душу ласкающіе, звуки несутся изъ-подъ рукъ тапера, выписаннаго нарочно изъ Петербурга Валентиной Павловной ко дню рожденія внучки. Звуки эти вылетаютъ сквозь открытое окно въ садъ. По залѣ кружатся веселыя пары. Юныя личики дышатъ счастьемъ, разгорѣвшіеся глазенки такъ и блестятъ.

Къ полному удивленію Мимочки и Ниночки, «таборная цыганка» оказалась очень граціозной танцоркой. Галя своимъ изяществомъ поражаетъ даже взрослыхъ, занявшихъ мѣста вдоль стѣнъ комнаты и любующихся праздникомъ дѣтей.

Счастливчикъ, съ галантностью настоящаго маленькаго хозяина дома, приглашаетъ безъ конца юныхъ дамъ.

Вотъ Кира останавливается передъ высокой Сашутой и расшаркивается передъ нею.

— Позвольте васъ просить!

Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ танцуетъ съ дѣвочками Гариными, потому что онѣ очень бѣдныя дѣти и одѣты хуже всѣхъ. А бѣдность и лишенія всегда находятъ себѣ откликъ въ отзывчивомъ сердечкѣ Киры.

— Кирушка, опомнитесь! Да вы мнѣ по талію будете, ужъ очень я высокая дама для васъ! — смущенно бормочетъ Сашута, которая, дѣйствительно, ростомъ почти вдвое больше Киры.

— Не бѣда, — встряхиваетъ кудрями Счастливчикъ, — лишь бы весело было!

— Жирафъ и воробышекъ! — острitъ Ивась.

Онъ танцуетъ съ Мимочкой и все не можетъ попасть въ тактъ.

— Ахъ, Боже мой, — волнуется дѣвочка, которой ужасно хочется изображать взрослую, — вы совсѣмъ не умѣете танцовать вальсъ!

— Начихать! Зато какъ я гопакъ валяю — небу жарко!

— Что это за гопакъ? — высоко вскинувъ бровки, освѣдомляется Мимочка.

— Малороссійскій танецъ. Вотъ танецъ! Пальчики оближете! — восторженно восклицаетъ Ивась и попадаетъ каблукомъ своей «дамѣ» на ногу.

— Воображаю, — морщась отъ боли, тянетъ Мимочка, — мужицкій танецъ! Одни мужики его танцуютъ. И чему васъ въ гимназіи только учатъ, право! — возмущается она.

— Чему учатъ? О, многому! — весело хохочетъ Ивась. — Географіи учатъ, фотографіи, типографіи,

долбленію, вихрекрученію, орѳографіи, каллиграфіи, французскому, русскому, зубрежкѣ, долбежкѣ...—перечисляетъ скороговоркой синеглазый хохолъ.

— Ха, ха, ха, ха! — не выдержавъ своего тона взрослой дѣвицы, разошлась смѣхомъ Мимочка.

— Хихихихи-хахахаха, пляшутъ двѣ курицы и три пѣтуха?—вторитъ ей Ивась.

У печки изо всѣхъ силъ старается выдѣлывать па толстый увалень Ваня.

Онъ пыхтитъ, какъ самоваръ, и обливается десятымъ потомъ. Его дама, нарядная аристократка Зоренька снисходительно улыбается, хотя ея неуклюжій кавалеръ отдавилъ ей всѣ пальцы.

— Нѣтъ, не могу!—потерявъ, наконецъ, терпѣніе, смущенно говоритъ Ваня. — Я отъ печки привыкъ... Ужъ вы извините, но я долженъ начинать отъ печки...

— Да, вѣдь, мы и такъ отъ печки начинаемъ!—смѣется его дама.

— Такъ это печка съ правой стороны, а я привыкъ, чтобы она была съ лѣвой!—смѣется Ваня.

— Экая невѣжа печка, что бы ей въ сторонку налѣво отойти!—остритъ плавно танцующій съ младшей сестрой лицеистъ Толя.

Посреди зала Микъ-Микъ съ Симочкой танцуютъ что-то среднее между вальсомъ и галопомъ. И оба отъ души хохочутъ.

— Что, Симочка,—замогильнымъ голосомъ баситъ Микъ-Микъ,—вы не очень скучаете съ вашимъ старымъ кавалеромъ?

— Вы не старый, Микъ-Микъ,—протестуетъ Симочка,—сколько вамъ лѣтъ?

— Сегодня въ обѣдъ минуло сто лѣтъ. Если отнять отъ ста семьдесятъ восемь, то что останется, то и будетъ мое. Сколько мнѣ лѣтъ, Симочка? А? Рѣшите!

— Двадцать два года! — живо соображаетъ дѣвочка.

— Молодчина! Рѣшила быстро... отмѣнная дѣвица! А вотъ другой задачи вамъ не рѣшить ни за что: гдѣ Шура?

— Не знаю.

— И я не знаю тоже!—съ комическимъ видомъ вздыхаетъ Микъ-Микъ.—Господа!—на минуту заглушая музыку своимъ дѣланнымъ басомъ, повышаетъ онъ голосъ, останавливаясь среди залы.—Кто отыщетъ Шуру, тому третья часть вознагражденія! Слышите меня!

— Слышимъ! Слышимъ!

— Онъ, вѣрно, въ саду. Идемъ искать его! Идемъ скорѣе!—весело отзываются дѣти.

Мальчики быстро выбѣгаютъ изъ залы и разсыпаются по аллеямъ сада. Минутъ десять оттуда, съ разныхъ сторонъ, доносятся ихъ веселые голоса.

Вдругъ звонкій голосъ Ивася покрылъ всѣ остальные: — «Нашли! Нашли!» — кричитъ Ивась на весь садъ.

Еще минута—и на порогѣ залы Ваня и Ивась, а между ними Орля.

Его костюмъ отсырѣлъ. На немъ темныя пятна. Успѣвшіе отрасти за лѣто кудри спутались и нависли

на лобъ. Глаза блуждаютъ. Онъ думаетъ, что его будутъ бранить, и принимаетъ боевую позу. Кстати, онъ уже успѣлъ подраться по дорогѣ сюда съ синеглазымъ хохломъ.

Но бабушка Валентина Павловна, какъ ни въ чемъ не бывало, ласково проводитъ по его кудрямъ рукою и, представляя гостямъ, говоритъ:

— Это нашъ другъ, Шура. Онъ уже привыкъ къ намъ, хотя все еще немного дичокъ.

Потомъ, нагнувшись къ его уху, тихо шепчетъ:

— Пойди, переодѣнься, дружокъ, и приходи къ намъ скорѣе.

Этого момента Орля только и ждалъ.

Нѣсколько прыжковъ — и онъ уже за дверью, быстро прибѣжалъ къ себѣ и, сорвавъ съ себя свой новый костюмъ, облачился въ будничный: плисовыя шаровары и красную рубашку.

— Пусть Галька расфуфыривается, сколько хочетъ, а мнѣ не надо. Хорошъ и такой!—сердито бурчалъ онъ себѣ подъ носъ.

Когда мальчикъ снова появился въ залѣ, веселье тамъ было въ полномъ разгарѣ.

Дѣти танцовали и рѣзвились отъ души. Галя съ Алей, какъ двѣ бѣленькія птички, носились по комнатѣ, возбуждая всеобщее одобреніе.

— Совсѣмъ какъ братъ съ сестрой!—восхищалась Таливѣрова.—И кто скажетъ, что это—маленькая цыганка, выросшая въ таборѣ! И какъ они подходятъ другъ къ другу: такіе оба кроткіе, тихонькіе, нѣжные, какъ голубки.

Эти слова достигли до ушей Орли и точно ударили его молотомъ по головѣ.

— Галька подходитъ къ Алькѣ, этому ощипанному воробью? Нѣтъ, ужъ дудки! Дружбѣ этой не бывать! Я ея братъ, а не Алька... Зазналась она больно...

И, закипая внезапнымъ приливомъ злобы, онъ шагнулъ по направленію танцующихъ дѣтей.

— Мальчикъ, что-жъ вы не танцуете? Хотите, я протанцую съ вами?—внезапно раздался за его плечомъ веселый щебечущій голосъ.

Орля живо обернулся и увидѣлъ нарядную Сонечку Сливинскую. При видѣ ея беззаботнаго лица, гнѣвъ Орли запылалъ еще больше.

— Ну, чего лѣзешь!—грубо окрикнулъ онъ ее,—мнѣ Альку проучить надо.

— Ай-ай-ай! Какой сердитый! И не стыдно быть такимъ сердитымъ, а? Пойдемъ-ка лучше попляшемъ, дикарь ты этакій.

И Сонечка быстро схватила за руки Орлю и закружила его на мѣстѣ.

Новый, уже безудержный приливъ злобы обуялъ цыганенка. Не помня себя отъ злости, онъ схватилъ самъ Сонечку за тоненькія кисти рукъ и закружилъ ее по залѣ.

Сначала она весело хохотала и сама помогала быстротѣ верченія. Но взбѣшенное, побѣлѣвшее отъ волненія, лицо Орли, въ вихрѣ мелькавшее передъ ней, вдругъ испугало дѣвочку, вспугнуло ея веселость.

— Довольно! Довольно! Я устала! У меня кружится голова!—хотѣла она крикнуть и не могла.

Отъ быстроты верченія дыханіе замерло у нея въ груди. Лицо побѣлѣло, какъ бумага, глаза остановились съ широко раскрытыми зрачками.

А Орля все кружилъ ее и кружилъ съ умопомрачительной быстротой.

Музыка прекратилась... Со всѣхъ сторонъ къ нимъ бѣжали старшіе... Дѣти кричали что-то... О чемъ-то просили...

Но Орля былъ, какъ безумный. Въ этомъ бѣшеномъ круженіи онъ срывалъ свою злость на ни въ чемъ неповинной Сонечкѣ.

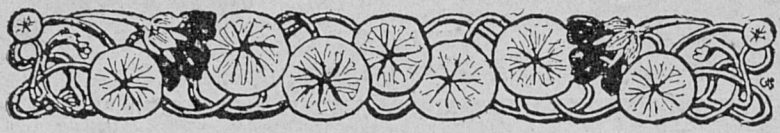
— Остановите его! Остановите!—кричали перепуганныя на-смерть дамы.

Мужчины бросились къ Орлѣ.

Вдругъ онъ выпустилъ руки Сонечки, и та грохнулась на полъ, тяжело ударившись головой о ножку стола...

Что было съ нею—Орля не хотѣлъ и не могъ видѣть. Онъ, какъ дикій звѣрекъ, въ нѣсколько мгновеній перебѣжалъ залу, перескочилъ черезъ пять ступеней лѣстницу террасы и бросился въ садъ, оттуда на дворъ, гдѣ горѣли костры, и поодаль отъ нихъ угощалась пріѣзжая прислуга...

Отбѣжавъ подальше, онъ кинулся на траву, взволнованный и неподвижный, испуганный на-смерть своимъ поступкомъ.



ГЛАВА VIII.

— НИЧЕГО, ничего, право же ничего. Мнѣ не больно, ни чуточки не больно!—увѣряла всѣхъ блѣдная, едва стоявшая на ногахъ, измученная Сонечка въ отвѣтъ на тревожно сыпавшіеся на нее вопросы взрослыхъ и дѣтей, предлагавшихъ ей спиртъ, воду, валерьяновыя капли, лѣкарства.

Валентина Павловна успѣла уже намочить водою полотенце и положить его на голову дѣвочки.

Отецъ Сонечки, полковникъ Сливинскій, былъ очень взволнованъ.

— Ну и мальчуганъ! Немало онъ надѣлаетъ вамъ еще бѣдъ! Помянете меня, Валентина Павловна.

— Вы правы, полковникъ, — вмѣшался Микъ-Микъ.—Шура нашъ, Щелчокъ-мальчишка, отчаянный паренекъ... Но, вѣдь, не виноватъ же онъ, что въ жилахъ его течетъ кровь буйнаго цыганенка. А все-таки я готовъ побиться объ закладъ, что у него добрая, чистая, неиспорченная душа, и что со временемъ онъ сдѣлается неузнаваемъ...

— Ну, пока мы дождемся этого, онъ всѣхъ вашихъ ребятъ покалѣчитъ, — сердито отвѣчалъ Сливинскій.

Валентина Павловна, смущенная и взволнованная, извинялась передъ нимъ и Сонечкой.

Послѣдняя, желая успокоить всѣхъ, говорила:

— Ну, право же мнѣ не больно, совсѣмъ не больно! Я не сильно ушиблась, нѣтъ!

— А Шура будетъ все-таки строго наказанъ,— проговорила бабушка.

Чье-то тихое, чуть слышное, всхлипываніе послѣдовало за ея словами изъ дальняго уголка залы.

— Галя! Галя! О чемъ ты, дитя мое?

Симочка и Ляля поспѣшили къ плачущей дѣвочкѣ, взяли ее за руки и подвели къ Раевой.

— Бѣдная крошка, о чемъ это она?

Теперь всѣ взоры устремились на дѣвочку съ большими кроткими глазами, изъ которыхъ текли цѣлые потоки слезъ.

Совсѣмъ смятенная всеобщимъ къ ней вниманіемъ, Галя полѣзла за платкомъ въ карманъ и,—о, ужасъ!— оттуда посыпались яблоко, груша и конфеты... цѣлая масса конфетъ.

Испуганная неожиданностью, дѣвочка еще больше залилась слезами.

— О, я не воровка,—шептала она сквозь рыданія, закрывая лицо обѣими ручонками.—Я для Орли это... для братика... мнѣ Ляля дала.

— Бѣдная дѣвочка! О чемъ такія горячія слезы?— прозвучалъ изъ толпы гостей чей-то нѣжный голосъ,

и высокая тоненькая шатенка съ печальными глазами и очень серьезнымъ лицомъ выступила впередъ. За нею спѣшила кругленькая, толстенькая дама. Онѣ только что пріѣхали и незамѣтно, среди общаго шума, смѣшались съ толпою.

— Валентина Павловна,—проговорила толстушка, протягивая руку Раевой, — поздравляю съ «новорожденной»... Видите, не обманула, пріѣхала и подругу свою Натали Зараеву привезла съ собою,—и она представила высокую шатенку хозяйкѣ дома.

— Мамочка! Tante Натали... Наконецъ-то!.. А безъ васъ тутъ столько всего было!—и Толя съ Валей наперерывъ стали разсказывать происшествіе съ Сонечкой.

Полковница Сливинская встревожилась, бросилась къ дочери, стала разспрашивать ее: не больно ли ей еще? прошелъ ли ушибъ? не испугалась ли она?

Но Сонечка уже успѣла отойти отъ испуга и волненія и со смѣхомъ разсказывала матери о своемъ подневольномъ круженіи.

— А знаете ли что, господа?—предложилъ полковникъ Сливинскій дѣтямъ,—пробѣгитесь-ка по саду. Ночь дивная... теплая, точно іюнь на дворѣ... И Сонина голова освѣжится, по крайней мѣрѣ.

— Отлично! Отлично! Идемте въ садъ скорѣе!—оживилась молодежь.

— А Галя? Что дѣлать съ нею? Нельзя же ее оставить такъ!—озабоченно произнесъ Счастливчикъ.

— Вашу Галю вы оставите мнѣ!—произнесла tante

Натали, какъ ее называли дѣти Сливинскихъ.—И будьте покойны, я ее утѣшу.

Взявъ за руку все еще тихо плакавшую Галю, красивая дама отвела ее въ дальній уголокъ залы, посадила на колѣни и, обвивъ рукою плечи дѣвочки, спросила:

— О чемъ ты, моя крошка? Кто обидѣлъ тебя? Скажи, и, можетъ быть, мы пособимъ твоему горю...

Ея тихій нѣжный голосъ сразу подѣйствовалъ на Галю. Все еще не отрывая отъ лица смоченныхъ слезами ручонокъ, Галя невольнымъ движеніемъ, исполненнымъ довѣрія, прижалась къ груди незнакомой ей дамы и прошептала:

— Мнѣ жаль Орлю... Всѣ считаютъ его нехорошимъ, злымъ... а онъ добрый. Онъ, чтобы спасти меня... обѣщалъ цыганамъ коня украсть... И его чуть не убилъ злой Яшка... А самъ онъ добрый... Ради меня онъ много претерпѣлъ... Вы не знаете... Я вамъ все разскажу...

И, въ ожиданіи отвѣта, Галя внезапно оторвала руки отъ лица.

— Боже мой! Какое сходство!

Слова эти вырвались противъ воли изъ груди красивой дамы, и она впилась глазами въ блѣдненькое личико и мокрые еще отъ слезъ глаза ребенка.

А Галя уже говорила, говорила безъ умолку, о своей жизни у цыганъ, о подвигахъ Орли, о своихъ страданіяхъ вплоть до счастливаго пребыванія у добрыхъ людей.

Съ замираніемъ сердца tante Натали вслушивалась

въ каждое ея слово, не отрывая глазъ отъ лица дѣвочки и какъ бы соображая и припоминая въ то же время что-то.

Какая-то гнетущая дума отразилась на ея высокомъ лбу. Скорбная улыбка тронула губы. Глаза съ безконечной лаской остановились на бѣлокурой головкѣ, довѣрчиво прильнувшей къ ея груди.

Когда Галя кончила, она горячо поцѣловала ея порозовѣвшую щечку и, осторожно спустивъ съ рукъ дѣвочку, подошла къ хозяйкѣ дома.

— Валентина Павловна,—проговорила она тихо,—вы доставили бы мнѣ огромное удовольствіе, если бы пріѣхали ко мнѣ со всѣми дѣтьми на денекъ. Вы знаете, я живу за десять верстъ отсюда... По сосѣдству со Сливинскими купила себѣ имѣньице... Соблаговолите взглянуть на него... И всѣхъ дѣтей захватите... А ее...—съ особеннымъ волненіемъ въ голосѣ прибавила Натали и обернулась къ притулившейся къ ней Галѣ,—а ее я особенно желала бы видѣть.

И она опять быстро наклонилась къ дѣвочкѣ и со страннымъ выраженіемъ на лицѣ нѣжно-нѣжно поцѣловала ее.

ГЛАВА IX.

— АХЪ, какъ хорошо!

— Звѣздъ-то, звѣздъ сколько!

— Дивная ночь!

— Не ночь, а сказка!

— Это вы изъ какой книжки? Ась?

— Вовсе не изъ книжки! Вы всегда скажете что-нибудь обидное!..

И Мимочка, смущенная и уличенная Ивасемъ, обидчиво передернула плечиками.

— Господа! Предлагаю пойти на лужайку, взглянуть на костры!

— Ахъ, какъ жарко они горятъ!

— Пойдемте! Пойдемте!

— Жаль, что Гали нѣтъ! Она очень любитъ смотрѣть на костры!—раздался среди общаго шума веселыхъ дѣтскихъ возгласовъ тихій голосокъ-Али.

— Она съ тетей Натали, успокойтесь, и навѣрное не скучаетъ,—весело защебетала Сонечка, давно забывшая свой ушибъ и испугъ.—Тетя Натали всѣхъ

утѣшить можетъ... Папа и мама такъ обрадовались, что она пріѣхала къ намъ и купила имѣніе рядомъ съ нами. Она очень, очень добрая и все исполняетъ, о чемъ ее ни попросишь.

— Вотъ и сочиняешь, далеко не все,—остановилъ сестру тринадцатилѣтній Толя,—небось, какъ ни просили мы ее показать «таинственную комнату», она не показала.

— Какую комнату? Какую?—съ любопытствомъ окружили ихъ всѣ остальныя дѣти.

— А вотъ, видите ли: у тети Натали есть комната въ домѣ... постоянно запертая на ключъ... Туда никто не входитъ, кромѣ самой тети... А она тамъ просиживаетъ долгіе часы.

— Да,—вмѣшался въ разсказъ брата Валя,—и что тамъ, въ этой комнатѣ, она не говоритъ.

— А ея прислуга разсказывала нашей нянѣ, что и въ томъ городѣ, гдѣ жила раньше tante Натали, точно такая же была комната и тоже запертая.

— Ахъ, какъ это интересно!—сверкая глазами, вскричала Симочка,—я пойду, разскажу Лялѣ и Микъ-Мику.

— Успѣешь разсказать! Лучше пойдемъ къ кострамъ,—остановилъ сестру Кира, и первый помчался на лужайку. За нимъ помчалась и вся ватага дѣтей.

— Ахъ, чудо какъ хорошо!—вырвалось разомъ изъ двухъ десятковъ грудей.

Дѣйствительно, картина была величественна.

Среди темной августовской ночи ярко выдѣлялись костры: два поменьше, одинъ побольше. Красно-золо-

тое пламя лизало обгорѣвшіе остовы полѣнъ. Хворостъ трещалъ въ огнѣ, какъ огромный кузнечикъ въ травѣ.

— Господа! У финновъ есть обычай,—повысилъ голосъ одинъ изъ Таливѣровыхъ, Петя, считавшій себя совсѣмъ взрослымъ, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ,—есть обычай прыгать черезъ костры въ ночь на Ивана Купала... Не хотите ли вообразить, что мы въ Финляндіи, и попрыгать черезъ огонь.

— А не сгоримъ?—робко освѣдомился Аля.

— Вотъ младенецъ!—засмѣялись старшіе мальчики.

— А небо на землю не упадетъ и не придавитъ тебя?—сострилъ Ивась.

— А прудъ не выйдетъ изъ береговъ и не затопитъ насъ?—вторилъ ему Толя Сливинскій.

— Кто труситъ—отойди къ сторонкѣ!—крикнулъ его братъ, и первый, разбѣжавшись, перепрыгнулъ черезъ пламя меньшаго костра.

За нимъ разбѣжался его братъ Толя.

Кира, послѣ нѣкоторой заминки, перепрыгнулъ за Ваней. Затѣмъ прыгали Гарины, Таливѣровы и другіе.

— И я хочу! И я!—глядя на мальчиковъ, рвалась впередъ Симочка.

— Развѣ это можно! Ты дѣвочка!—урезонивали ее подруги.

Но Симочка уже не слушала и вихремъ понеслась прямо на пламя.

Разъ! Два! Три!—и съ громкимъ смѣхомъ она повалилась на траву уже по ту сторону костра.

— Ай-да дѣвочка! За поясъ хоть кого заткнетъ!

Вотъ это по-нашему, по-военному!—хлопая въ ладоши, кричалъ пажикъ Валя.

— А, знаешь, Счастливчикъ, твоя сестричка похрабрѣе тебя... Гляди, какъ перешагнула черезъ пламя. А ты-то какъ долго собирался, трусишка, точно уѣздная барыня на балъ!—смѣясь, говорилъ, похлопывая по плечу Киру, лицеистикъ Толя.

— Что?

Вся кровь бросилась въ лицо Счастливчика. Онъ вспыхнулъ до ушей, весь залился румянцемъ. О, никогда еще не называли его трусомъ за всю его коротенькую жизнь. Онъ никогда не проявлялъ еще страха, въ чемъ бы то ни было. Ему хотѣлось сейчасъ крикнуть во весь голосъ этому гадкому насмѣшнику Толѣ, что онъ лжетъ. Но дыханіе захватило у него въ груди отъ волненія такъ, что онъ не могъ произнести ни слова...

Ивась и Ваня спѣшили къ нему на выручку.

— Ну, это, братъ, того... врешь... Нашъ Кира молодчикъ,—заступился за товарища первый,—хотя и не вышелъ ростомъ.

— Малъ золотникъ, да дорогъ,—вставилъ второй.

— Лиллипутикъ! Мальчикъ съ пальчикъ! Игрушечка! Куда ужъ ему! И разъ-то еле-ели перескочилъ,—продолжалъ поддразнивать лицеистикъ.

— Я?.. еле-еле? Я?..

Глазенки Счастливчика загорѣлись не менѣе угольковъ въ кострѣ. Онъ даже поблѣднѣлъ отъ волненія и обиды.

— Толя! Толя! Стыдитесь!—унимали его дѣвочки.

— Я... ничего не боюсь... Я и черезъ большой костеръ перепрыгну... Я... я... Смотрите.

Никто изъ дѣтей не ожидалъ того, что произошло черезъ полминуты вслѣдъ за этимъ... Никто не имѣлъ времени удержать Киру...

Маленькая фигурка разбѣжалась... широко разставляя крошечныя ноги... Прыжокъ... и... отчаянный вопль нарушилъ тишину ночи...

Маленькая фигурка Счастливчика исчезла въ огнѣ...

ГЛАВА X.

ДѢТИ замерли на мѣстѣ, исполненныя ужаса, близкія къ потерѣ сознанія,—всѣ до одного. Маленькая жизнь гибла у нихъ на глазахъ, жизнь всѣми любимаго, обаятельнаго, чуткаго мальчика, которому они не могли ничѣмъ помочь. Не могли ничѣмъ!

Широко раскрытыми глазами, полными отчаянія, смотрѣли они на корчившуюся въ огнѣ фигурку... Одни кричали истерически, другимъ сдѣлалось дурно.

Вдругъ что-то красное выскочило изъ куста и метнулось къ костру.

— Шура! Шура! Куда онъ? Безумный!—послышался новый отчаянный крикъ дѣтей.

Но было уже поздно...

Красная рубашка цыганенка исчезла въ огнѣ.

И новый вопль, уже не испуганный, а радостный, прорѣзалъ воцарившееся, было, полное ужаса безмолвіе.

— Спасены!.. Шура его спасъ! Шура!

Красная рубашка выскочила изъ огня, вся объятая

пламенемъ... Охваченная тѣмъ же пламенемъ фигурка Счастливчика была на рукахъ Орли.

Въ три прыжка мальчикъ, не выпуская своей ноши, достигъ берега пруда, скатился по крутому его берегу въ воду и погрузился въ нее вмѣстѣ съ Кирой...

* * *

— Живы! Не сгорѣли! Обожглись только сильно! Господи! Господи! Ужасъ какой! Больно тебѣ? Очень больно, Счастливчикъ?

Длинные кудри Киры обгорѣли, костюмъ повисъ безобразными черными лохмотьями на его тѣлѣ, самъ онъ дышалъ съ трудомъ... Но онъ былъ живъ. А это было главное.

Сильные ожоги на рукахъ, которыми онъ успѣлъ закрыть лицо въ роковую минуту, натянулись пузырями... Съ него стекала вода... Ручьями стекала она и съ Орли, но они были живы и невредимы оба—и потерпѣвшій Счастливчикъ и его самоотверженный и находчивый спаситель, цыганенокъ.

— Къ бабушкѣ! Скорѣе къ бабушкѣ! Домой! Домой!—рыдая, кричала Симочка, кидаясь къ Счастливчику, котораго попрежнему держалъ на рукахъ Орля, весь мокрый до нитки, но безумно счастливый удачнымъ спасеніемъ своего товарища.

Тутъ же, по берегу пруда, на лужайкѣ, ломая руки, метался Толя.

— Изъ-за меня это! Изъ-за меня!—лепеталъ онъ сквозь слезы.—Прости меня! прости, Счастливчикъ!

Кто-то изъ дѣвочекъ сбросилъ тальму, укутавъ ею

Киру... Кто-то накинулъ платокъ на дрожащаго Орлю, и ихъ повели въ домъ, крича по дорогѣ о происшествіи бѣгущей навстрѣчу прислугѣ...

* * *

Что было потомъ—врядъ ли могли отвѣтить и взрослые и дѣти... Рыдала бабушка, рыдала Ляля, цѣлуя и обнимая Счастливчика.

Его отнесли въ спальню. Въ ожиданіи пріѣзда доктора, намазали мазью и мыломъ обожженныя мѣста, напоили горячей малиной, дали успокоительное лѣкарство, забинтовали его раны и опять цѣловали и ласкали общаго любимца.

Онъ былъ живъ, милый маленькій Счастливчикъ. Онъ былъ здоровъ и почти спокоенъ.

Когда бабушка поняла это, она бросилась разыскивать его спасителя.

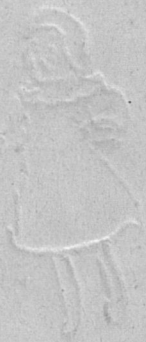
Валентина Павловна нашла Орлю, забившагося въ уголъ и что-то бурчавшаго себѣ подъ носъ на всѣ вопросы и восторженныя восклицанія окружавшихъ его дѣтей.

— Онъ, Шура—герой! Онъ настоящій герой!—слышалось вокругъ присмирѣвшаго цыганенка.

— Дай мнѣ пожать твою руку, товарищъ! Если бы не ты, Счастливчикъ...—и Толя Сливинскій остановился на полусловѣ, вздрогнувъ съ головы до ногъ, потомъ продолжалъ, переведя дыханіе:—Ты выручилъ Киру,—заключилъ печальнымъ голосомъ мальчикъ.

— Какой вы смѣлый! Какой вы храбрый! Какъ вы не побоялись прыгнуть въ огонь!—восклицали

Охваченная пламенемъ фигурка была на рукахъ Орли...



дѣвочки, окружая маленькаго цыганенка.—Какъ догадались послѣ броситься въ воду съ Кирой, чтобы затушить пожаръ!

— Молодецъ! Отважный мальчуганъ, что и говорить!—сказалъ полковникъ Сливинскій,—охотно извиняюсь, братъ, за мое прежнее о тебѣ нелестное мнѣніе.

Вдругъ всѣ замолкли и разступились, давая дорогу Валентинѣ Павловнѣ, пропуская ее къ виновнику общей радости.

Предчувствуя, что что-то должно неминуемо случиться съ нимъ сію минуту, Орля неуклюже поднялся съ мѣста и сдѣлалъ шагъ, другой навстрѣчу Раевой. Онъ успѣлъ смѣнить обгорѣвшую блузу на крѣпкую. Его изсиня-черные кудри безъ словъ говорили о пережитой катастрофѣ. Они выгорѣли мѣстами до самаго темени, и огромныя плѣшины бѣлѣлись здѣсь и тамъ на его головѣ.

Бабушка, не говоря ни слова, обвила бѣдную пострадавшую голову, прижала ее къ своей старческой груди и проговорила сквозь тихое, чуть слышное рыданіе, вырвавшееся изъ ея груди:

— Мой мальчикъ! Мой дорогой мальчикъ!.. Славный, чуткій, хорошій! Знай: ты сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ бы другой ребенокъ. Ты жизнью своею жертвовалъ за Киру... Мой добрый мальчикъ, за это... Слушай: мой домъ будетъ твоимъ домомъ... Мой Кира—твоимъ братомъ... и братомъ твоей Гали... Моя Ляля и Симочка—вашими сестрами, а я... я... Шура, мой любимый, старой бабушкой твоей буду я... Растите

съ моими внуками... Будьте счастливы у насъ... О васъ я позабочусь, какъ о собственныхъ дѣтяхъ...

И, не сдерживая больше душившихъ ее рыданій, Валентина Павловна горячо поцѣловала обезображенную огнемъ голову цыганенка, инстинктивно прильнувшаго къ ея груди.

— Ну, не правъ ли я былъ, говоря, что у нашего Щелчка добрая душа, душа героя? — проговорилъ Микъ-Микъ, незамѣтно пожимая смуглую руку Орли.

За другую руку его держалась Галя. Все случившееся казалось дѣвочкѣ страшнымъ сказочнымъ сномъ. У нихъ, безродныхъ таборныхъ цыганятъ, была теперь семья, добрый братъ, милая сестра и ласковая, безконечно ласковая бабушка!.. И тихая радость наполнила маленькое трепетное сердечко Гали... Солнышко счастья улыбнулось ей, казалось, сейчасъ весело и свѣтло. Наконецъ-то оцѣнили ея Орлю, признали его добрымъ, смѣлымъ и благороднымъ, какимъ онъ былъ всегда во мнѣніи его названной сестры!..

И солнышко счастья разгоралось все ярче и ярче въ душѣ сиротки.

Мысли дѣвочки были такъ заняты всеобщимъ добрымъ отношеніемъ къ ея любимому братику, что она не замѣтила, какъ два темные бархатные глаза издали наблюдали за нею, ни на минуту не отрываясь отъ нея.

Странная улыбка блуждала по лицу красивой Натали Зараевой, когда она шептала взволнованно временами, точно въ забытьи:

— Какъ она похожа! Какое удивительное сходство!

Неужели-же я ошибаюсь! Нѣтъ! Нѣтъ! Этого не можетъ быть! Надо узнать! Непремѣнно! Во что бы то ни стало!

И снова темные глаза впивались бархатнымъ, влажнымъ отъ волненія, взоромъ въ оживленное личико Гали, не отходившей теперь отъ братика ни на одинъ шагъ...

ГЛАВА XI.

ПРИБЛИЖАЛОСЬ двадцатое августа, день отъѣзда Раевыхъ изъ усадьбы.

Счастливчикъ былъ здоровъ. Ожоги прошли на рукахъ и тѣлѣ. Прошло и тяжелое воспоминаніе о роковыхъ секундахъ въ огнѣ. Зато въ душѣ мальчика прибавилось новое чувство, чувство безконечной преданности и любви къ отважному цыгану.

Да и не у него одного: всѣ въ домѣ привязались къ Орлѣ.

— Счастливчика спасъ! Нашего Счастливчика! Сокровище наше! Кто бы могъ думать, что этотъ злой, сердитый, скверный, какъ намъ казалось, мальчикъ способенъ на такой подвигъ? Герой онъ, маленькій герой, вотъ что!—говорилось въ господскихъ комнатахъ и на кухнѣ, въ барскомъ домѣ и въ пристройкахъ—въ людскихъ.

Даже няня Степановна измѣнила свое прежнее мнѣніе объ Орлѣ.

— Басурманъ то онъ басурманъ, а сердце у него

чудное, что и говорить... Ради другого въ огонь не каждый сунется,—говорила она.

— Одно слово—герой,—поддакивалъ Францъ.

Что касается дѣтей, то они всячески наперерывъ старались доказать свою привязанность Орлѣ. Его одаряли подарками, уступали ему въ играхъ, помогали въ занятіяхъ. Даже Ивась и Ваня, дразнившіе его до сихъ поръ, теперь, преисполненные глубокаго уваженія къ его геройству, позабыли, казалось, его прозвище Щелчка.

На другой же день послѣ рокового случая бабушка пригласила къ себѣ въ комнату Микъ-Мика, monsieur Диро и Аврору Васильевну, велѣла закрыть плотно дверь и о чемъ-то долго-долго съ ними совѣщалась.

О чемъ—этого не зналъ ни Счастливчикъ, ни Ивась, ни Ваня, ни Орля.

Мальчики узнали, однако, «тайну» въ тотъ же день: оказалось, что на совѣщаніи, по предложенію бабушки, рѣшено было, что Орлю возьмутъ въ городъ и отдадутъ въ ту же гимназію, гдѣ учился Кира, предварительно подготовивъ его за годъ съ помощью Микъ-Мика, Авроры Васильевны и добрѣйшаго monsieur Диро.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Микъ-Микъ въ тотъ же день принялся за своего новаго ученика.

И Орля сталъ усердно учиться. Сначала ему было, какъ будто, трудно, но затѣмъ дѣло пошло отлично.

Но не одинъ только Орля занимался: Галя и Симочка тоже усердно учились подъ руководствомъ гувернантки и Ляли, предложившей свою помощь.

Словомъ, жизнь маленькихъ сиротъ круто измѣнилась во всемъ.

ГЛАВА XII.

«Глубокоуважаемая
Валентина Павловна!

Надѣюсь, вы не забыли вашего обѣщанія привезти ко мнѣ дѣтей. Теперь, когда вашъ Счастливчикъ вполнѣ оправился послѣ этого ужаснаго случая, я позволю себѣ напомнить о себѣ. Прошу васъ пріѣхать всѣмъ «домомъ» сегодня въ мое «Тихое». Будутъ и ваши друзья Сливинскіе. Жду съ нетерпѣніемъ и очень прошу взять обоихъ «цыганятъ». Особенно Галю. Это необходимо для меня и для нея.

Ваша Натали Зараева».

Получивъ рано утромъ эти строки съ прискакавшимъ изъ «Тихаго» работникомъ, Валентина Павловна глубоко задумалась надъ окончаніемъ письма, подчеркнутымъ красными чернилами: «Особенно Галю. Это необходимо для меня и для нея».

— Что бы это могло быть?—думала старушка.

Вокругъ нея толпились дѣти, сгорая нетерпѣніемъ узнать, что было въ письмѣ.

— Ѣдемъ! Ѣдемъ въ «Тихое»! Ура! Ура! Десять верстъ на лошадяхъ ѣдемъ! — восторженными кликами вырвалось изъ маленькой, но шумной толпы, когда Валентина Павловна передала имъ приглашеніе.

— Бабушка, милая! Позвольте мнѣ быть распорядителемъ. Я живо улажу, кому какъ ѣхать,—прыгая козленкомъ вокругъ бабушки, кричалъ Кира и, получивъ ея согласіе, живо затараторилъ:

— Мы запряжемъ большую коляску: вы, Аврора Васильевна, Ляля, Ами, Симочка и Галя поѣдете въ ней. Шура на козлахъ. Микъ-Микъ, Ивась, Ваня и я—верхомъ. Микъ-Микъ на Чугунчикѣ, Ивась на Разгуляѣ, Ваня на Скоромъ, я на Ахил...

И вдругъ Кира осѣкся... Гдѣ же Ахиллъ?.. Тю-тю Ахиллъ! Какъ онъ могъ забыть объ этомъ? Непростительная разсѣянность! Зачѣмъ огорчать Шуру, напоминая ему его вину, когда тотъ спасъ жизнь ему, Кирѣ, и этимъ искупилъ все!..

Неловкое молчаніе воцарилось среди присутствующихъ. Всѣмъ стало не по себѣ.

Потупивъ глаза въ землю, закусивъ губы, мрачный и блѣдный, стоялъ Орля въ сторонѣ отъ другихъ. Слова Счастливчика рѣзнули его по сердцу.

«Нѣтъ, видно, не забудется моя вина», —безъ словъ говорило угрюмое лицо мальчика.

Въ одну минуту Счастливчикъ былъ подлѣ него.

— Шурикъ! Голубчикъ! Прости ты меня... Я не нарочно... Ужаснѣйшій я дурень, Шура...—со слезами въ голосѣ, шепталъ чуткій мальчикъ.

— Господа! О чемъ тутъ толковать?—внезапно раздался бодрый голосъ добраго волшебника, Микъ-Мика, сразу нарушившій своими веселыми нотками тяжелую минуту;—ѣдемъ въ двухъ экипажахъ: въ одной коляскѣ всѣ, кого перечислилъ Счастливчикъ, кромѣ Симочки, въ другой мои головорѣзы со мною, и Шура съ нами... А Симочка поскачетъ, въ заключеніе, единичнымъ номеромъ, верхомъ на палочкѣ, за то, что кофе разлила на скатерть сегодня утромъ.

— Ха-ха-ха! Неправда! Это вы разлили, Микъ-Микъ. Ха-ха-ха!—смѣялась Симочка, а за нею и всѣ дѣти.

— Вамъ и ѣхать на палочкѣ! Ха-ха-ха!

— Ну, ладно, тогда Симочка на козлахъ.

— Вотъ еще!

— Господа! Не будемъ пререкаться. Золотое время уходитъ. Счастливчикъ, сбѣгай къ Андрону, вели запрягать.

— Галопомъ скачите, Счастливчикъ.

— Скачу! Скачу! Меня нѣтъ! Уррра!

ГЛАВА XIII.

Какъ дивно хороша осенняя дорога!.. Кругомъ разбѣгается желтое море убранныхъ нивъ, дальше лѣса, чуть тронутые багрянцемъ, чуть посыпанные золотою пудрою едва пожелтѣвшей августовской листвы... Въ просвѣты начавшихъ опадать деревьевъ мелькаютъ синія воды рѣки... Солнце золотитъ дорогу, поля, лѣсъ и рѣку... Пріятное, ласковое и нежаркое августовское солнце.

Звенятъ бубенчики надъ дугою. Первой — тройкой правитъ Андронъ, второй — парой молодой конюхъ Ванюша. Въ первомъ экипажѣ чинно и тихо. Тамъ бабушка, Ами, Аврора Васильевна, дѣвочки.

— Тамъ старички,—подмигиваетъ на передовыхъ Ивась.

— А самая древняя старушенція—Симочка!—вторитъ Ваня.

— Тезка!—обращается онъ къ молодому возницѣ. Ванюшѣ,—а ну-ка, перегони ихъ!

— Жарь, Ваня, въ мою голову!—хохочетъ Счастливчикъ.

— Слушаю, молодые господа!

Ванюша-конюхъ немногимъ старше своихъ сѣдоковъ,—ему недавно минуло пятнадцать,—поэтому онъ не прочь порѣзвиться и пошалить.

— Эй, родимыя, выручай!—натянувъ вожжи, лихо вскрикиваетъ онъ на лошадей:

Съ горки на горку,
Баринъ дастъ на водку.

— Эй, берегись, кому жизнь дорога, сторонись!

— Важно! Вотъ это важно! По-нашему—по-хохлацки!—визжитъ въ восторгѣ Ивась, въ то время, какъ робкій Аля Голубинъ хватается за руку Микъ-Мика, исполненный страха.

— А мы не разобьемся? — испуганно шепчетъ онъ.

— Аля, милая дѣвочка, не бойся! Не посрами гимназіи родной!—запѣваетъ басомъ Ваня Курнышевъ и, сорвавъ въ неистовствѣ фуражку, размахиваетъ ею, какъ флагомъ, надъ головой.

Лошади несутся рысью. Экипажъ не катится, а летитъ по мягкой ровной дорогѣ.

Вотъ поровнялись съ передовыми путниками.

— Наше вамъ почтеніе! Вотъ мы!

— Осторожнѣе! Осторожнѣе! Они разобьются на смерть! Иванъ! Ванюшка! Не смѣй гонять лошадей!—волнуется бабушка въ своей коляскѣ.

— Симочка! Отмѣнная дѣвица! Не желаешь ли яб-

лочка?—предлагаетъ Микъ-Микъ, и румяный плодъ падаетъ на колѣни Симѣ.

— А вы сами безъ яблока, какъ же?—улыбается та.

— Ѣсть не могу! Въ этой бѣшеной скачкѣ языкъ проглотилъ,—смѣется Мирскій.

— Онъ шутитъ! Онъ шутитъ! Думаетъ, что у насъ нѣтъ больше яблокъ! А у насъ еще два десятка!—хохочутъ дѣти.—Мы съ запасцемъ. Галя, Симочка, Ляля, ловите!

Изъ одной коляски въ другую летятъ въ видѣ маленькихъ боевыхъ гранатъ вкусные румяные плоды. Цѣлый градъ ихъ, цѣлый запасъ. Дѣвочки ловятъ ихъ со смѣхомъ. Аврора Васильевна волнуется и говоритъ, что это неприлично: такъ бросаются только уличныя дѣти.

Monsieur Диро очень безпокоится за участь своего пенснэ:

— О, мои оченки... Они разобьются... и я останься безъ оченковъ!—кричитъ онъ, невозможно ломая русскій языкъ.

Но вторая коляска уже промчалась, далеко опередивъ первую; изъ нея доносится веселый смѣхъ...

Одинъ Орля только грустенъ среди общаго веселья. Невольно сорвавшаяся съ губъ Счастливчика фраза объ исчезнувшемъ Ахиллѣ не даетъ ему покоя.

Изъ-за него добрый, милый барченокъ Кира, изъ-за него, Орли, лишился своего сокровища! А чѣмъ ему отплатили за его поступокъ? Его обули, одѣли, приняли, какъ родного, въ домъ, человѣкомъ сулятъ

сдѣлать, «бариномъ», и Галю тоже, ровно барышню воспитаютъ, а онъ-то... Эхъ! Правда, онъ вытащилъ изъ огня Киру... Да вѣдь онъ долженъ былъ это сдѣлать и нечего за это себя превозвышать. Не давать же было погибать человѣческой жизни. Подумаешь, геройство какое! Нѣтъ, не стоитъ онъ всего этого счастья, такъ незаслуженно посыпавшагося на него и сестренку. Обездолилъ онъ Кирушку, обокралъ его...

И мрачно блуждаютъ по сторонамъ глаза цыганенка... Хмурятся черныя брови... Затихаетъ онъ въ своемъ уголку.

Видя настроеніе Орли, никто не хочетъ его тревожить. Всѣ дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ грусти Орли, его тоски, чтобы не раздражать легко воспламеняющагося гнѣвомъ мальчика.

А лошади все мчатся впередъ да впередъ, и неистово заливаются колокольчики подъ дугой...

ГЛАВА XIV.

ПРОѢХАЛИ верстъ восемь, еще двѣ остаются... Миновали поля, въѣхали въ лѣсъ.

Здѣсь хорошо и привольно. Не пыльно, прохладно, тѣнисто. Пахнетъ смолою, грибами и тѣмъ, чуть замѣтнымъ, запахомъ, который несетъ съ собою осень.

Глаза Орли жаднымъ взоромъ впиваются въ чащу. Вдругъ невольный крикъ, готовый вырваться отъ неожиданности, замираетъ на его губахъ.

Среди начавшей золотиться и багровѣть по осеннему чащи, онъ видитъ грязно-сѣрыя пятна... Потомъ что-то высится яркое надъ кустами. Одновременно слышится какая-то возня и какъ бы задавленное ржаніе лошади...

Взоръ Орли зорче проникаетъ въ чащу... Что-то пестрое ярко-красное, наполовину съ желтымъ и зеленымъ, виситъ, прицѣпленное къ вѣткѣ дерева... Какія-то лохмотья...

Едва сдерживая свое волненіе, мальчикъ потянулъ носомъ. Такъ и есть—запахъ гари!..

Поднялъ голову: чуть замѣтной струйкой вьется дымокъ надъ шатрами кустовъ и деревьевъ.

— Цыгане! Таборъ! Нашъ таборъ!—вихремъ пронеслась въ головѣ Орли быстрая мыслъ.

Его соколиные, по зоркости, глаза примѣтили все то, чего не видѣли другіе. Неимовѣрно развитые жизнью среди природы слухъ и обоняніе подтвердили догадку.

Мальчики и Микъ-Микъ не могли замѣтить тамъ, далеко въ чащѣ, ни спрятанныхъ въ кустахъ телѣгъ съ навѣсами, ни сушившихся на деревѣ цыганскихъ лохмотьевъ, ни высокаго шеста съ красной тряпкой, который служилъ какъ бы флагомъ и знаменемъ дяди Иванки.

Этотъ красный значекъ былъ значкомъ ихъ табора, и теперь въ присутствіи здѣсь дяди Иванки со всей его цыганской семьей Орля не сомнѣвался больше.

* * *

— Наконецъ-то!.. А я ужъ думала, не дождусь дорогихъ гостей!

Натали Зараева стояла на крыльцѣ своего домика, утонувшаго въ зелени акацій и сирени, окруженная дѣтьми Сливинскими: веселой институткой Сонечкой, Катей, Толей и Валеромъ. Тутъ же, съ трубкой во рту, находился самъ полковникъ, подъ руку съ женой.

Тетя Натали была въ простомъ темномъ платьѣ. На ея печальномъ лицѣ играла какая-то странная, загадочная улыбка. Она протягивала руки пріѣзжимъ и издали кивала головою.

— Добро пожаловать, дорогіе гости!.. Пожалуйте въ столовую!.. Обѣдъ на столѣ!

Дѣти съ шумомъ выскочили изъ экипажей и стали здороваться съ семьею Сливинскихъ.

— Tante Natalie! Можно передъ обѣдомъ обѣжать садъ и показать его нашимъ друзьямъ?—ласкаясь, какъ кошечка, просила Сонечка.

— Обѣдъ на столѣ, мы ждемъ васъ!—успѣла только отвѣтить та.

Но шумная ватага, вырвавшись изъ гостиной, уже мчалась по запущеннымъ аллеямъ сада.

— Господа! Я нарочно привела васъ сюда,—говорила черезъ минуту Сонечка, запыхавшись отъ быстраго бѣга, останавливаясь въ отдаленномъ уголку сада,—сюда на эту площадку. Слушайте, насъ ждетъ сегодня большой сюрпризъ.

— Сонька подслушала его, когда tante Natalie говорила съ мамой,—вставилъ свое слово Валя.

— Неправда! Неправда! — вспыхнула дѣвочка; — tante Natalie сама сказала мнѣ, что сегодня поведетъ насъ въ таинственную комнату и — ахъ!—что мы тамъ увидимъ!—и Сонечка на минуту даже зажмурила глаза.

— Что? Что увидимъ?—заинтересовались дѣти.

— Она и сама не знаетъ,—заявилъ Толя.

— Я и сама не знаю. Но... tante Natalie сказала, что мы увидимъ тамъ что-то особенное,—проговорила его сестра.

— А что же ты не говоришь, что tante Natalie обѣщала намъ разсказать интересную исторію послѣ обѣда?—напомнилъ Валя.

— Да, да! И исторію разскажетъ, и въ таинственную комнату поведетъ,—подхватили хоромъ дѣти Сливинскіе.

— Обѣдать, дѣтвора! Супъ простынетъ!—послышались голоса старшихъ въ открытыя окна столовой.

И вся ватага понеслась къ дому.

Какой вкусный былъ обѣдъ у tante Natalie! Какимъ очаровательнымъ десертомъ угостила она своихъ гостей!

Но странно. Г-жа Зараева не притрогивалась ни къ одному блюду, и когда раскладывала кушанья по тарелкамъ гостей, руки у нея дрожали, какъ въ лихорадкѣ. А глаза подолгу останавливались на личикѣ сидѣвшей подлѣ нея Гали.

Едва успѣлъ кончиться обѣдъ, какъ хозяйка поднялась съ мѣста.

— Я попрошу васъ, дорогіе друзья, удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія,—произнесла она взволнованнымъ голосомъ, проходя въ гостиную впереди гостей.—Присядьте, господа, и выслушайте меня. Я хочу вамъ разсказать небольшую исторію юности одной моей знакомой, которая должна заинтересовать васъ всѣхъ. Вы разрѣшите?

— Помилуйте! Мы очень рады,—отозвались взрослые.

— Разсказывайте! Разсказывайте! Мы всѣ внимательно слушаемъ васъ, tante Natalie!—неистово кричали дѣти.

И нѣсколько десятковъ глазъ жадно уставились въ ея лицо.

Г-жа Зараева обвела своими печальными глазами слушателей и начала свой разсказъ.

ГЛАВА XII.

Въ небольшомъ южномъ бессарабскомъ городкѣ,— такъ начала свой разсказъ г-жа Зараева,—жили двѣ сестры: одна изъ нихъ—молодая вдова съ ребенкомъ—дѣвочкой, другая—дѣвушка, лѣтъ шесть передъ тѣмъ окончившая институтъ.

Обѣ сестры жили въ своемъ имѣніи въ полномъ затишьѣ, несмотря на то, что были богаты. Смерть мужа старшей изъ нихъ тяжело отозвалась на обѣихъ, и ихъ не манило уже больше къ веселой свѣтской жизни. Обѣ онѣ всецѣло ушли въ воспитаніе крошечной дѣвочки, ихъ единственной радости и сокровища, дочери молодой вдовы.

Эта крошка была прелестное кроткое существо со свѣтлыми глазами и льняными волосами. Граціозная, изящная, она уже двухъ лѣтъ отъ роду утѣшала мать и тетку своимъ умомъ, послушаніемъ, сообразительностью и ласками. Сестры мечтали уже видѣть ее счастливой, умной, красивой дѣвушкой, какъ вдругъ ужасное горе обрушилось на маленькую семью.

Однажды лѣтомъ дѣвочка нечаянно вышла изъ сада на берегъ рѣки и исчезла... По слѣдамъ на землѣ убѣдились, что она пошла къ крутому берегу рѣчки. Здѣсь слѣды терялись... Не было никакого сомнѣнія, что дѣвочка, подойдя къ краю берега, оступилась, упала въ воду и утонула. Такъ рѣшили всѣ въ одинъ голосъ.

Обезумѣвшія отъ горя мать и тетка созвали всѣхъ окрестныхъ крестьянъ искать маленькій трупикъ въ рѣкѣ... Его не нашли. Должно быть, малютку далеко унесло теченіемъ...

Горе такъ сразило мать дѣвочки, что она вскорѣ умерла, а осиротѣвшая сестра ея поспѣшила уѣхать изъ ужаснаго мѣста несчастія, продавъ усадьбу. Она рѣшила,—чтобы какъ-нибудь заглушить горе,—путешествуя, кочуя съ мѣста на мѣсто, утопить въ постоянной смѣнѣ впечатлѣній свою тоску.

Прошло много лѣтъ. Усталость взяла свое. Дѣвушка утомилась и, желая отдохнуть немного отъ кочевокъ, устроилась неподалеку отъ своихъ друзей въ крошечной усадьбѣ, окруженной лѣсами и полями.

Какъ-то разъ въ одномъ изъ домовъ сосѣднихъ съ нею помѣщиковъ она встрѣтила дѣвочку, похожую на свою покойную племянницу настолько, что сразу полюбила ее, привязалась къ ней. Эта дѣвочка своими льняными волосами и свѣтлыми кроткими глазками напомнила ей такъ живо дорогую покойницу, что она снова почувствовала себя счастливой въ присутствіи этой дѣвочки.

Tante Natalie умолкла на минуту,—а затѣмъ вдругъ,

какъ бы опомнившись, прибавила, обводя странно заблестѣвшими глазами присутствующихъ:—Дѣти, я обѣщала вамъ показать таинственную комнату! Эта комната находится въ связи съ моимъ разсказомъ... Пойдемте, дѣти, пойди и ты, Галя, дитя мое! Дай мнѣ руку, я хочу пойти туда рядомъ съ тобою.

И, странно взволнованная, съ непонятнымъ трепетомъ въ поблѣднѣвшемъ лицѣ, Натали поднялась съ мѣста.

Поднялись и всѣ остальные, недоумѣвающіе, удивленные, и послѣдовали за нею.

— Я знаю, она разсказывала случай изъ своей жизни,—произнесла полковница шопотомъ мужу.

— И эта маленькая цыганочка, повидимому, напоминаетъ ей утонувшую племянницу,—отвѣтилъ тѣмъ же шопотомъ тотъ, и они поспѣшили въ таинственную комнату слѣдомъ за остальными.

ГЛАВА XIII.

СТРАННОЕ чувство охватило Галю съ той минуты, какъ Натали начала свой разсказъ. Темные глаза разсказчицы, то и дѣло, останавливались на ея лицѣ. И эти глаза, полные тоски и грусти, напоминали дѣвочкѣ чьи-то ласковые, давно забытые взоры... Постепенно все яснѣе и яснѣе выступали эти взоры въ памяти Гали... И еще другіе, еще болѣе дорогіе, любящіе... А за ними выступали деревья широко разросшагося фруктоваго сада, уютный маленькій домикъ и рѣка... И крошка-дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ съ распущенными волосами въ зелени сада и на берегу рѣки... Потомъ чей-то темный силуэтъ представлялся Галѣ... Черная женщина въ яркихъ лохмотьяхъ, появившаяся внезапно и утащившая дѣвочку въ лѣсъ... А потомъ... нищіе грубые цыгане... брань, крики, побои... и Орля... милый Орля, защитникъ и ангелъ-хранитель дѣвочки...

— Вотъ мы и пришли!—внезапно послышался надъ головою Гали дрогнувшій голосъ.

Затѣмъ щелкнулъ замокъ въ двери. Широко распахнулась она, и всѣ очутились въ небольшой комнатѣ, оклеенной свѣтлыми обоями, съ окномъ, завѣшеннымъ кисейной занавѣской. Въ одномъ углу комнаты стояла дѣтская кроватка подъ бѣлоснѣжнымъ кисейнымъ пологомъ, въ другомъ—столъ съ массою игрушекъ, разбросанныхъ на немъ и въ углу, на коврѣ. Точно здѣсь только что находилась дѣвочка, хозяйка этого уголка.

Лишь только Галя переступила порогъ комнатки, свѣтлое, какъ лучъ солнца, воспоминаніе прорѣзало маленькую головку...

Вѣдь, эту кроватку, эти игрушки, эту занавѣску и коверъ она помнитъ, знаетъ, хорошо знаетъ... И вотъ ту куклу съ отбитымъ носомъ. Да, да, да, вѣдь это ея кукла «Дуся, ея Дуся»! Та самая Дуся, съ которой она когда-то играла по цѣлымъ днямъ!

Все свѣтлѣе, все яснѣе и настойчивѣе проникаетъ воспоминаніе въ бѣлокурую головку дѣвочки... Прошлое поднимается изъ нѣдръ души, воскресла память...

Да, нѣтъ сомнѣнія, это ея кровать, ея кукла, ея игрушки... А тамъ... Она поднимаетъ глаза на стѣну... Тамъ надъ кроваткой каждый разъ, прежде чѣмъ уснуть, она видѣла ее—портретъ той, которая сидѣла около ея кровати, портретъ ея матери...

Вотъ онъ! Такъ и есть! А съ нимъ рядомъ другой...

— Мама! — вырвалось громкимъ неожиданнымъ крикомъ изъ груди дѣвочки, и она протянула къ портрету руки.—Мама! Мама! Мама!

— Вѣрочка! Крошка моя! Это я— твоя тетя!

Натали бросилась къ Галѣ, и градъ изступленныхъ поцѣлуевъ посыпался на лицо, шею, волосы и руки дѣвочки. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ Зараевой, смочили льняную голову и платье ребенка.

И Галя плакала и прижималась къ груди дѣвушки.

— Вѣрочка! Моя Вѣрочка!.. Племянница моя ненаглядная!.. шептала Натали, смѣясь и плача отъ счастья, — крошечка моя!.. Я тебя узнала, узнала сразу!.. Вѣдь всѣ эти восемь лѣтъ я жила мыслью о тебѣ!.. Я вѣрила въ твою смерть, но... все же надѣялась смутно, что увижу, встрѣчу мою крошку... Какъ видишь, я всѣ твои вещи привезла изъ старой усадьбы... окружила себя ими и среди нихъ, твоихъ игрушекъ, подлѣ твоей пустой кроватки, проводила взаперти цѣлые часы, вспоминая свою Вѣрочку, тоскуя по ней... Богъ видѣлъ мое горе и смилостивился надо мною, вернулъ мнѣ тебя... О, теперь я никогда не разстанусь съ тобою, съ моей безцѣнной, единственной, родной моей племянницей, сокровищемъ моимъ. Я замѣню тебѣ покойную маму, я всю жизнь положу для тебя, счастье мое, дорогая, милая, родная моя дѣточка.

И опять нѣжныя руки обвивали шею Гали, а горячія трепещущія губы Натали осыпали градомъ поцѣлуевъ ея лицо.

Дѣвочка отвѣчала такими же поцѣлуями и ласками... Память ея пробудилась вполнѣ и подсказывала картины дѣтства одну за другою, одну за другою...

— Тетечка! Наташечка! Тетечка моя!—лепетала она тихо, застѣнчиво прижимаясь къ Натали и робко возвращая ей поцѣлуи и ласки.

Всѣ присутствующіе были взволнованы, потрясены этой сценой. Въ глазахъ взрослыхъ стояли слезы. Дѣвочки плакали. Растроганные, потрясенные, плакали и Счастливчикъ съ Алей. Подозрительно долго сморкался Ивась. А Ваня Курнышевъ что-то очень усердно занимался мухой на стѣнѣ и ожесточенно кусалъ себѣ губы.

Никто не объяснилъ, какъ эта цыганочка Галя могла быть Вѣрочкой, потерянной, погибшей племянницей tante Natalie. Но всѣ догадались, что тогда, восемь лѣтъ назадъ,—дѣвочка, которую считали погибшей, не утонула въ рѣчкѣ, а попала къ цыганамъ, которые увели ее въ таборъ и держали вмѣстѣ со своими цыганскими дѣтьми.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ всѣ молчали.

— Валентина Павловна! — произнесла наконецъ, едва-едва подавивъ свое волненіе, Натали,—благодарю васъ отъ души за Вѣрочку... Спасибо, добрая душа, что пріютили мою крошку, спасибо за все, за все, сдѣланное ей. Сегодня же я возьму ее къ себѣ въ домъ. Вы понимаете мои чувства. Я нашла мое сокровище и не разлучусь съ нею.

— А Орля?—неожиданно прозвучалъ среди воцарившейся затѣмъ тишины нѣжный голосокъ Гали.

— Какой Орля?

— Шура! Мой братикъ! Ахъ, тетечка, я ни за что не разстанусь съ нимъ!—и дѣвочка, отбѣжавъ

отъ тетки, бросилась къ угрюмо стоявшему въ уголкѣ Орлѣ, схватила его за руку и вывела впередъ.

— Вотъ, тетечка, мой братикъ... Если бы не онъ, меня на-смерть забили бы цыгане, или я голодной смертью погибла бы въ лѣсу.

И Галя тутъ же, волнуясь, дрожа, блѣднѣя и краснѣя, стала передавать всю исторію своей тяжелой жизни у цыганъ.

— Орля... Съ Орлей... Если бы не Орля... А Орля...—то и дѣло срывалось съ ея губъ.

Пока она говорила, передъ Натали развертывались ужасныя обстоятельства жизни ея племянницы въ таборѣ. Она поняла одно: если бы не эготъ курчавый, угрюмый на видъ мальчикъ, ей бы не увидѣть больше никогда своей Вѣрочки. И она протянула руку курчавому мальчику, съ глубокимъ захватывающимъ чувствомъ, сказавъ при этомъ:

— Ты будешь у меня первымъ моимъ другомъ и племянникомъ наравнѣ съ Вѣрочкой. Я позабочусь о твоемъ будущемъ... Только попроси Валентину Павловну отпустить тебя ко мнѣ навсегда.

— О, что касается меня,—живо произнесла Раева,— я не могу держать Шуру насильно. Пусть рѣшаетъ самъ, гдѣ ему лучше. Рѣшай, мой другъ, никто не принуждаетъ тебя.

Глубокое молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Всѣ глаза устремились на Орлю. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его словъ.

Но мальчикъ молчалъ. Жилы на лбу у него надулись, онъ потупился въ землю, до боли закусилъ губы.

Тяжелая непосильная работа происходила въ его душѣ.

Онъ не могъ, съ одной стороны, заплатить неблагодарностью добрымъ людямъ, съ другой—не могъ разстаться съ Галькой, не могъ ни за что. Послѣдній доводъ ударился въ его мысли съ необычайной силой... Онъ до крови закусилъ губу, потомъ тряхнулъ головою, точно сбрасывая непосильную тяжесть съ плечъ, и не то простоналъ, не то прокричалъ рѣзко:

— Я съ Галькой хочу вмѣстѣ.

А затѣмъ круто повернулся на каблукахъ и стремительно выскочилъ за дверь.

ГЛАВА XIV.

Орля не бѣжалъ, а мчался, едва касаясь земли. Мчался по комнатамъ, по саду, по дорогѣ. Мчался по лѣсной тропинкѣ, начинавшейся сразу за домомъ, мчался не оглядываясь, изо всѣхъ силъ, точно огромная толпа преслѣдователей гналась за нимъ по пятамъ.

Стыдъ, мучительное чувство причиненной имъ неблагодарности гнало его куда-то. Куда—онъ и самъ не зналъ. Мысли вихремъ неслись у него въ головѣ, мысли, бросавшія его въ краску, стыдъ и негодованіе.

«Хорошъ гусь—нечего сказать... Отплатилъ господамъ за хлѣбъ, за соль!..—слышалъ точно Орля чей-то голосъ,—позвала другая благодѣтельница, а я и обрадовался!.. Возьмите, молъ, меня съ Галькой заодно. Ужъ куда какъ хорошо!.. Не щелчокъ я, а просто кошачья душа непривязчивая и весь сказъ тутъ!..»

Но въ то время, какъ эти мысли тѣснились въ головѣ мальчика, сердце его расцвѣтало отъ счастья.

— Галька-то, Галька! Радость нашла какую! Тетку нашла, домъ родной, семью. И меня, своего братика, въ радости не забыла. Эхъ, золото дѣвчонка. Дай ей Богъ...

И лицо Орли, помимо воли, расползлось въ улыбку.

— А все-жъ таки домой не пойду, пока не уѣдутъ «наши»... Раевскіе... Стыдно глаза передъ ними показать: передъ барыней-бабушкой, барышней Лялей... Передъ Кирушкой тоже... Они меня за внука, за брата приняли, а я-то имъ отплатилъ...

Нестерпимая усталость заставила, наконецъ, остановиться Орлю. Тяжело переводя духъ, онъ сталъ какъ вкопанный, оглядываясь по сторонамъ.

— Что это? Шестъ съ красной тряпкой въ двадцати шагахъ отъ него!.. И пестрыя лохмотья тоже!.. Вонъ и сѣрыя пятна холщевыхъ навѣсовъ телѣгъ виднѣются сквозь листву...

Значитъ, онъ у табора... Около него...

Орля вытянулъ шею, потянулъ носомъ. Такъ и есть—запахъ гари, неизбѣжный послѣдокъ догоравшаго костра. И откуда-то смутно доносятся голоса, знакомые гортанные голоса, заглушенные разстояніемъ.

Вдругъ неожиданный звукъ прорѣзалъ тишину лѣса. Гдѣ-то поблизости заржала лошадь.

Орля вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и насторожился.

Новое ржаніе, молодое, задорное, сильнаго юнаго коня.

Это не таборныя клячи, нѣтъ. Ихъ голосъ Орля различитъ изъ тысячи лошадиныхъ. Нѣтъ, это...

— Ахиллъ!—вдругъ вихремъ пронизала его голову острая, какъ жало, мысль... Это Кирочкинъ Ахиллъ! Его не сбыли, не продали, онъ еще въ таборѣ! А разъ онъ въ таборѣ... О, не посылаетъ ли судьба ему, Орлѣ, возможность возвратить Ахилла старымъ хозяевамъ и хоть этимъ отплатить имъ за всѣ ихъ благодѣянія и искупить свою вину передъ ними?

Все тѣло мальчика задрожало сильнѣе... Сердце заработало съ удвоенной силой... Глаза вспыхнули, какъ угольки...

— Ага! Знаю, что надо дѣлать...—процѣдилъ онъ сквозь зубы и... какъ снопъ, повалился на траву.

* * *

Онъ лежалъ на спинѣ долго, очень долго...

Постепенно темнѣло въ лѣсу, а на бархатномъ небѣ зажигались звѣзды...

Откуда-то издали доносились до него призывные крики дѣтскихъ голосовъ:

— Шура! Шура! Гдѣ ты? Пора ѣхать! Мы скоро уѣзжаемъ... Шу-р-а-а! Ау!

Мелькали красные огоньки фонарей между деревьевъ. Его искали... Но онъ не подавалъ вида, что слышитъ этотъ зовъ.

Когда осенній вечеръ опустился на землю и въ лѣсу стало темно, какъ въ могилѣ, Орля перевернулся на животъ и поползъ, какъ змѣя, прячась въ кустахъ и въ высокой сухой травѣ.

Онъ ползъ на запахъ гари, въ ту сторону, откуда слышались заглушенные разстояніемъ голоса... Вотъ

они ближе, ближе; вонъ мелькаетъ небольшое пламя... Это маленькій костеръ...

Дальше, дальше ползетъ мальчикъ, шурша опавшими листьями, извиваясь змѣею. Теперь уже ему хорошо слышна знакомая цыганская рѣчь... Сквозь деревья видны сидящіе у костра люди...

Такъ и есть, это они. Дядя Иванка, подлѣ длинный Яшка... Земфира... Мароя... Михалка... Денисъ... Въ рукахъ Яшки ружье, очевидно пріобрѣтенное недавно... Онъ любуется имъ, поворачивая вправо и влѣво, прицѣливаясь на верхушки деревьевъ, облитыя свѣтомъ костра... А тамъ, подальше, другой костеръ, уже потухшій, и около него пасутся таборныя лошади и тотъ, чужой красавецъ Ахиллъ. Его Орля узналъ сразу по стройному тѣлу, по тонкимъ породистымъ ногамъ и лебединой шеѣ.

Въ то время, пока мальчикъ, нащупывая темноту глазами, измѣрялъ пространство между нимъ и конемъ, луна взошла на небѣ и освѣтила лѣсную лужайку.

— Ахиллъ!—чуть не вырвалось изъ груди Орли радостнымъ звукомъ, и онъ поползъ впередъ, туда, къ погасшему костру, стараясь какъ можно менѣе производить шума. Онъ былъ уже въ десяти шагахъ отъ лошади, какъ глухое рычаніе послышалось за его плечами.

— Это Шарикъ таборный. Эхъ, бѣда. Не узнаетъ—загрызетъ на-смерть,—цѣпенѣя отъ ужаса, мысленно выговорилъ Орля.

Что-то лохматое огромное съ дикимъ рычаніемъ ринулось на него и въ ту же минуту дрыгнуло съ радостнымъ ликующимъ визгомъ.

— Шарикъ! Шарикъ! Это я—Орля! Не узналъ, дуракъ!

Громкій радостный лай собаки былъ ему отвѣтомъ. Въ одинъ мигъ Шарикъ облизалъ лицо, руки, голову Орлѣ и съ тихимъ визгомъ затормошилъ его.

Лай, возня и визгъ собаки не прошли даромъ.

Безпокойно заворочались цыгане у костровъ.

— Никакъ, кто-то прячется въ кустахъ,—произнесъ дядя Иванка и первый тяжело поднялся со своего мѣста.

— Къ лошадямъ подбирается!—крикнулъ Яшка и тоже вскочилъ на ноги держа на перевѣсъ ружье.

— Воры! Грабители! Таборъ, поднимайся!—загремѣлъ въ тотъ же мигъ голосъ дяди Иванки, и онъ кинулся въ кусты.

Орля понялъ одно: медлить больше нельзя! Быстрымъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги и, оттолкнувъ изо всей силы радостно кидавшуюся на него собаку, бросился бѣшеными прыжками къ привязанному у дерева Ахиллу. Трепещущими руками рванулъ онъ поводъ, еще разъ и еще. Но крѣпкій ремень не поддался усилію дѣтскихъ ручонокъ. Тогда, вспомнивъ, что въ карманѣ его имѣется перочинный ножъ, онъ выхватилъ его съ лихорадочной поспѣшностью и перерѣзалъ поводья. Еще минута... и онъ на конѣ, на его лоснящейся спинѣ, казавшейся серебряной при обманчивомъ свѣтѣ мѣсяца.

— Гипъ! Гипъ! Впередъ, Ахиллъ! Живѣе! Впередъ!

ГЛАВА XV.

СИЛЬНЫМИ ногами Орля ударилъ Ахилла, обвилъ вокругъ кисти руки поводья коня и рванулъ его на лѣсную тропинку въ ту именно минуту, когда передъ нимъ выросли темные силуэты цыганъ.

— Это онъ, разбойникъ, предатель—Орля! Измѣнникъ! Это онъ! Я узналъ его!—неистово заоралъ длинный Яшка и въ одинъ прыжокъ очутился на спинѣ другого таборнаго коня.

— Мазурикъ! Негодяй! Бездѣльникъ! Укралъ-таки! Укралъ! Тысячную лошадь изъ-подъ носа увелъ, негодный!—съ пѣной у рта, съ безумно вытаращенными отъ безсильной злобы глазами кричалъ дядя Иванка, вскакивая на другую лошадь.

— Скачи за нимъ, Яшка! Лови его, Михалка, Денисъ! Всѣ ловите! Озолочу! Поймаете—награды не пожалѣю! Верните мнѣ лошадь! Озолочу!

Крики дяди Иванки подняли весь таборъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжали женщины, дѣти, испуганныя, разбуженныя среди ночи...

— Что? Что такое?—вопили онѣ.

— Бѣсенокъ Орля появился, какъ изъ ада, и тысячнаго коня увелъ!—кратко поясняли имъ.

— Въ погоню! Въ погоню!

Эта погоня не замедлила собраться въ одну минуту. Среди таборныхъ клячъ была одна хорошая быстроногая лошадь, и дядя Иванка, овладѣвъ ею, мчался теперь слѣдомъ за ускакавшимъ Орлей, держа наготовѣ выхваченное имъ изъ рукъ Яшки, мимоходомъ, ружье.

— Стой, бѣсенокъ!— на смерть хлеща своего коня плеткой, кричалъ онъ, задыхаясь отъ злобы, вслѣдъ летѣвшему, съ быстротою урагана, мальчику.—Стрѣлять буду! Стой!

Но Орля въ отвѣтъ только понукалъ Ахилла. Вдругъ что-то щелкнуло за его плечами, и въ тотъ же мигъ острая жгучая боль обожгла шею мальчика...

Онъ тихо вскрикнулъ и схватился за шею рукою. Липкая, теплая красная жижица залила въ тотъ же мигъ его рубаху. При свѣтѣ мѣсяца онъ увидѣлъ темныя пятна, окрасившія рукавъ и грудь.

— Я раненъ! Я умираю!—смутно пронеслось въ помутившемся сознаніи мальчика, но онъ еще сильнѣе сжалъ ногами крутые бока лошади, судорожно ухватилъ поводъ.—Лишь бы уйти отъ нихъ, доскакать... Вернуть Кирѣ коня, а тамъ хоть помереть... со спокойной душой...

Кровь не сочилась теперь уже, а лилась ручьемъ изъ раны. Мутился мозгъ Орли, сознаніе уходило,

Вдругъ, что-то щелкнуло за плечами мальчика...

но онъ все мчался и мчался, думая одно: нельзя ему умирать, не возвративъ своимъ благодѣтелямъ лошади.

Съ каждой минутой онъ дышалъ труднѣе. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Силы уходили, а издали доносились угрозы отставшаго цыгана.

Съ послѣдними искрами сознанія Орля, судорожно вцѣпившись въ Ахилла, влетѣлъ на дворъ усадьбы. На крыльцѣ стояли ея хозяйка и гости, взволнованные и встревоженные долгимъ отсутствіемъ Орли.

— Вотъ онъ! Шура! Шура и... Ахиллъ! Смотрите! Смотрите!—вскричалъ, первымъ узнавъ его, Счастливчикъ, кидаясь ему навстрѣчу.

— Но онъ весь въ крови! Онъ раненъ! Шура! Шура! Откуда ты? Что съ тобою?

Чьи-то быстрыя руки схватили за поводъ лошадь. Другія протянулись къ мальчику и сняли его съ сѣдла. Бережно подняли его понесли на крыльцо.

Весь залитый кровью, бѣлый, какъ его рубашка, мальчикъ съ усиліемъ поднялъ голову, обвелъ всѣхъ помутившимися глазами, произнесъ коснѣющимъ языкомъ:

— Я не хотѣлъ оставаться... неблагодарнымъ... и долженъ былъ искупить свою вину... и... и... возвращаю Кирушкѣ его Ахилли...

Тяжелый стонъ вырвался изъ его груди, а минуту спустя, онъ потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XVI.

КЪ счастью, рана Орли оказалась неопасной, хотя мальчикъ лишился чувствъ, вслѣдствіе потери крови. Приглашенный въ тотъ же вечеръ изъ уѣзднаго города докторъ подтвердилъ это. Рану забинтовали, Орлю положили въ постель, напоили лекарствомъ и всю ночь поочередно дежурили у его кровати. А къ утру онъ уже чувствовалъ себя настолько хорошо, что пожелалъ встать. Его однако не пустили и цѣлую недѣлю продержали въ постели. А вокругъ него въ эту недѣлю тѣснились милыя, ласковыя лица, ухаживая за нимъ, заботясь о немъ, наперерывъ угождая ему, спѣша удовлетворить каждое его желаніе.

И впервые почувствовалъ маленькій цыганенокъ, что жизнь прекрасна и что у него есть родные, семья и друзья.

* * *

Въ день отъѣзда Раевыхъ, Натали съ Галей-Вѣрочкой и Орлей-Шурой пріѣхали проводить ихъ на станцію.

— А скоро и мы за вами переберемся,—говорила Натали, сіяя теперь уже не прежними печальными, а счастливыми глазами,—Шуру надо серьезно готовить въ гимназію въ Петербургѣ, а Вѣрочкѣ подыскать учительницу-гувернантку.

— Я уже умѣю читать малость, Ляля научила!—буркнулъ, по привычкѣ подъ носъ застѣнчиво, Орля и потупился.

— Анъ не очень-то!—подразнилъ его, смѣясь. Счастливчикъ.—Прочтешь, что я написалъ сегодня тебѣ? Ну-ка, попробуй?

— Мнѣ?

Цыганенокъ поднялъ загорѣвшіеся любопытствомъ глаза.

— Вотъ чудно-то! Мнѣ написалъ! Зачѣмъ же?

Робкимъ движеніемъ мальчикъ протянулъ руку и взялъ изъ рукъ Киры небольшой конвертъ. Неловкими пальцами онъ вскрылъ его, вынулъ изъ него четырехугольный листъ бумаги и, смущенно держа его передъ глазами, прочелъ:

— *Милый нашъ Шура! Мы всѣ любимъ тебя, какъ родного... А я крѣпче всѣхъ... И прошу тебя принять отъ меня Ахилла. Онъ твой. Ты заслужилъ его.*

Твой другъ Счастливчикъ.

Эти строчки запрыгали передъ глазами Орли. Онъ вспыхнулъ, какъ зарево, и весь залился румянцемъ счастья и стыда.

— Ахиллъ! Красавецъ Ахиллъ! Тысячный Ахиллъ—его конь! Его собственность!—ликовало и пѣло все внутри его. Онъ задыхался отъ счастья.

Но природная стыдливость смущала душу, и онъ снова буркнулъ подъ носъ, застѣнчиво опуская глаза:

— Зачѣмъ... Не надо... Онъ тебѣ самому дорогъ...

— Твоя жизнь дороже. А ты дважды жертвовалъ ею ради меня.

И Кира горячо обнялъ курчавую головку цыганенка, снова зардѣвшагося отъ счастья и стыда.

КОНЕЦЪ.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣненныя къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ *М. П. Никольскаго*, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Веллингерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. *В. Буша.* Перев. *К. Н. Льдова*, съ 498 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей. *А. Аванасьева-Чужбинскаго.* Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЁРНСЕНА. Переводъ *О. М. Макаровой*, съ 25-ю отдѣльными картинами и 47 политипажами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами *Аккенскаго, Іванова, Тенисля и др.* Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отдѣльн. картинами. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ *Е. И. Песковской*, съ предисловіемъ *П. М. Ольхина*, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картинами. Изданіе второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 46 иллюстраціями *Густава Доре*. Изданіе второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе *Сервантеса*, переведенное. Передѣланное для дѣтей *А. Гречемъ*, съ 79 рис. *Густава Доре*. Изданіе второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный перев. на русскомъ языкѣ *Е. Песковской*, съ иллюстраціями *Густава Доре*. Изданіе второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. *Вольфганга Гете*, примѣн. къ дѣтскому возрасту *М. Песковскимъ*, съ автотипн. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. *Джонатана Свифта*, переводъ съ англійскаго *М. Никольскаго*. Съ біографіей автора, 39 отдѣльн. картинъ и 35 рис. въ текстѣ. Изданіе второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго, съ 33 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльн. картинъ. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ 20-ю рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

Очень интересная книга

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Сочин. *Бичеръ-Стоу*, приспѣшенн. къ дѣтскому возрасту *М. Песковскимъ*, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей. *Ф. Г. Бернеттъ*. Съ 24 рисунками *Р. Р. Берчъ*. Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочиненіе *Де-Амичиса*, съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго*, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картинами. Изданіе третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть *Луизы Олькотъ*, съ 80 рисунками.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) *Альфонса Доде*, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ *Н. С. Вытенна* съ 146 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ М. Николаевой. Съ 65 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*, перев. графини А. З. Мураньевой. Съ рисунками.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, СТАВШІЯ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой*. Съ 70 рисунками.

СКАЗКИ ТОПЕЛІУСА. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской*. Съ портретами и рисунками.

БОСОНОЖКА. Повѣсть *Бертольда Ауэрбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *В. М. Чулицкаго*. Съ рис. *В. Вотье*.

ПИНОККІО. Приключенія деревяннаго мальчика *Ч. Коллоди*. Переводъ съ 480-го итальянскаго изданія *К. Данини* подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ рис. *Е. Маццанти* и *Г. Магни*.

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Лета на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ съ англійскаго. 3-е русское изданіе подъ ред. *И. Бѣлозерскаго*. Съ 17 рисунками.

СКАЗОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *Ч. Диккенса*. Переводъ съ англійскаго *Е. Г. Тихомандрицкой*. Подъ ред. и съ предисловіемъ *М. И. Бродовскаго*. Съ портретомъ автора и 49 рисунками.

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ (не считая собаки). Разсказъ *Джерома К. Джерома*. Переводъ съ англійскаго *Е. Тихомандрицкой*. Съ 20 отд. рисунками *А. Бенъ*.

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА (Приключенія Сары Кру). Повѣсть для дѣтей *Ф. Г. Бернеттъ*. Переводъ съ англійскаго *А. И. Рождественской*. Съ иллюстраціями *Р. Гиффарда*.

ДОБРЫЙ МАЛЕНЬКІЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Повѣсть для дѣтей *графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной*. Переводъ съ французскаго подъ редакціею *С. И. Ярославцева*. Съ иллюстраціями *Г. Кистелли*.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ. Исторія одного голландскаго семейства *П. И. Сталь*. По англійскому подлиннику *Мэри Мэпъ Доджъ*. Переводъ *А. И. Рождественской*. Съ рисунками *Т. Шулера*.

СКАЗКИ КОРОДЕВЫ. *Кармень Сильва*. Переводъ *А. И. Ацимирскаго*. Съ рис. *Фидуса*.

БЕЗЪ СЕМЬИ. Исторія одного маленькаго человѣка. *Гектора Мало*. Переводъ съ французскаго *А. И. Рождественской*. Съ рисунками.

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ. *Луизы Олькотъ*. Переводъ *А. Рождественской*. Съ рисунками.

Цена 6 —
№ 3462
5 XI

ГПБ Русский фонд
131
2823